

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ
БОРАТЫНСКИЙ

ТОМ 1
СТИХОТВОРЕНИЯ

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2000

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Предлагаемое Вашему вниманию электронное издание Евгения Боратынского станет самым полным на сегодняшний день изданием Боратынского вообще, и в распечатанном виде станет книгой для Вашей библиотеки.

Приуроченные к 200-летию со дня рождения великого поэта до конца 2000 года выходят два тома: том 1 — все стихотворения и том 2 — все поэмы.

Мы постарались по-возможности сделать это издание безошибочным (как и все другие публикации нашего издательства).

Наша работа не закончена, следующим этапом нашего издания является проза, статьи и письма поэта (том 3).

Основным источником для нашего издания являются: Е. А. Боратынский. Полное собрание стихотворений, Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1989; Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. Составитель А. М. Песков, М., 1998.

В электронной версии книги название стихотворения в Содержании является ссылкой на страницу, где оно расположено и номер страницы на каждой странице книги является кнопкой возврата к Содержанию.

Мы будем рады Вашим отзывам и предложениям.

С уважением, Андрей Никитин-Перенский
25 декабря 2000 года

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НАПЕЧАТАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ БОРАТЫНСКОГО

1. „Взгляните: свежестью молодой...“	9
2. „Вчера ненастливая ночь...“	9
3. К Алине	10
4. Любовь и дружба (<i>В альбом</i>)	10
5. Эпиграмма („Дамон! Ты начал - продолжай...“	11
6. Прощание	11
7. К Креницыну	12
8. „Тебя ль изобразить и ты ль изобразима?	13
9. Дельвигу („Так любезный мой Гораций...“)	13
10. Отрывки из поэмы „Воспоминания“	14
11. „Тебе на память в книге сей...“	18
12. „Итак, мой милый, не шутя...“	19
13. „Он близок, близок, день свиданья...“	20
14. „Поэт Писцов в стихах тяжеловат...“	20
15. „Незнаю? Милая Незнаю!..“	20
16. „Расстались мы; на миг очарованьем...“	20
17. К <рыло>ву („Любви весёлый проповедник...“)	21
18. „Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой...“	21
19. К Кюхельбекеру	23
20. Подражание Лафару	23
21. Весна (<i>Элегия</i>)	24
22. Финляндия	25
23. Финским красавицам (<i>Мадригал</i>)	26
24. „Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...“	26
25. „Когда неопытен я был...“	27
26. Лагерь	28
27. „Я возвращуся к вам, поля моих отцов...“	28
28. „В своих стихах он скукой дышит...“	29
29. „Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...“	30
30. Элегия („Нет, не бывать тому, что было прежде!..“)	30
31. Разуверение	31
32. Больной	31
33. „Твой детский вызов мне приятен...“	32
34. Песня („Страшно воет, завывает...“)	33
35. „Приятель строгий, ты не прав...“	34
36. „Живи смелей, товарищ мой...“	35
37. „Один, и пасмурный душою...“	35
38. В альбом („Вы слишком многими любимы...“)	36
39. „Приманкой ласковых речей...“	36

40. „Шумы, шуми с крутой вершины...“	37
41. „Прощай, отчизна непогоды...“	37
42. „Пора покинуть, милый друг...“	38
43. Цветок	39
44. „Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...“	40
45. „Чтоб очаровывать сердца...“	41
46. „Так! отставного шалуна...“	42
47. Дельвигу („Дай руку мне, товарищ добрый мой...“)	42
48. Элизийские поля	43
49. „Любви приметы...“	45
50. „Сеё поцелуй, дарованный тобой...“	45
51. „На кровы ближнего селенья...“	45
52. „Зачем, о Делия! сердца молодые ты...“	46
53. „На звук цевницы голосистой...“	46
54. Сестре	47
55. Эпиграмма („Везде бранит поэт Клеон...“)	48
56. „Неизвинительной ошибкой...“	48
57. Падение листьев	49
58. „Чувствительны мне дружеские пени...“	50
59. Лета	50
60. „Дало две доли провидение...“	50
61. Размолвка	51
62. „Желанье счастья в меня вдохнули боги...“	51
63. Н.И.Гнедичу („Нет! в одиночестве душой изнемогая...“)	52
64. „О счастья с младенчества тоскую...“	54
65. „О своенравная София!...“	55
66. Лутковскому	56
67. „Притворной нежности не требуй от меня...“	57
68. Г<неди>чу („Враг суетных утех и враг утех позорных...“)	58
69. „Мы пьём в любви отраву сладкую...“	60
70. Авроре Ш<ернваль>	61
71. „Я безрассуден - и не диво...“	61
72. „В глуши лесов счастлив один...“	62
73. Череп	63
74. „Решительно печальных строк моих...“	64
75. Богдановичу	65
76. „Мне с упоением заметным...“	67
77. „Взгляни на звёзды: много звёзд...“	68
78. Невесте	69
79. „Завыла буря; хлябь морская...“	69
80. Леда	70
81. „Мила, как грация, скромна...“	72
82. Эпиграмма („Свои стишки Тощёв-пиит...“)	72
83. „Как много ты в немного дней...“	72
84. „Очарованье красоты...“	72

85. „Когда взойдёт денница золотая...“	73
86. „Идиллик новый на искус...“	73
87. „Рука с рукою Веселье, Горе...“	74
88. Запрос М<ухано>ву	74
89. „В дорогу жизни снаряжая...“	74
90. „В борьбе с тяжёлою судьбой...“	75
91. „Она придёт! К её устам...“	75
92. „Взгляни на лик холодный сей...“	75
93. К Д<ельвигу> (На другой день после его женидьбы)	76
94. Д. Давыдову	76
95. К Аннете	77
96. „Поверь, мой милый! твой поэт...“	77
97. Эпиграмма („Что ни болтай, а я великий муж...“)	78
98. „Тебе я младость шаловливу...“	78
99. „Ты ропщешь, важный журналист...“	78
100. Эпиграмма („И ты поэт, и он поэт...“)	79
101. „Когда, печалью вдохновенный...“	79
102. „Не трогайте парнасского пера...“	79
103. „Есть грот: наяда там в полдневные часы...“	80
104. Она	80
105. „Не бойся едких осуждений...“	80
106. „Окогчѣнная летунья...“	81
107. „Перелетай к веселью от веселья...“	81
108. „Как сладить с глупостью глупца?..“	81
109. „Когда б избрать возможно было мне...“	82
110. Последняя смерть	82
111. „Судьбой наложенные цепи...“	84
112. Смерть	85
113. Из А. Шенье	86
114. „Люблю деревню я и лето...“	87
115. Старик	87
116. „Как ревностно ты сам себя дурачишь...“	87
117. „Старательно мы наблюдаем свет...“	88
118. „Мой дар убог, и голос мой не громок...“	88
119. „Глупцы не чужды вдохновенья...“	88
120. „Не подражай: своеобразен гений...“	88
121. „Слыхал я, добрые друзья...“	89
122. „Нет, обманула вас молва...“	90
123. При посылке „Бала“ С. Э<нгельгардт>	90
124. „Хвала, маститый наш Зоил!..“	90
125. „Чудный град порой сольётся...“	91
126. В альбом („Альбом походит на кладбище...“)	91
127. „Сердечным нежным языком...“	91
128. К<нягине> З. А. Волконской	92
129. Эпиграмма („Поверьте мне, Фиглярин-моралист...“)	93

130. Эпиграмма („В восторженном невежестве своём...“)	93
131. „Не ослеплён я музою моею...“	93
132. К. А. Свербеевой	94
133. „Что пользы вам от шумных ваших прений?..“	94
134. „Порою ласковую фею...“	94
135. Отрывок	95
136. „Люблю я красавицу...“	98
137. Эпиграмма („Он вам знаком. Скажите кстати...“)	99
138. Эпиграмма („Писачка в Фебов двор явился...“)	99
139. „Хотя ты малый молодой...“	99
140. „Бывало, отрок, звонким кликом...“	100
141. „Не славь, обманутый Орфей...“	100
142. „В дни безграничных увлечений...“	100
143. „Где сладкий шёпот...“	101
144. Н. М. Языкову („Языков, буйства молодого...“)	102
145. Языкову („Бывало, свет позабывая...“)	103
146. „Мой неискусный карандаш...“	104
147. „Дитя моё, - она сказала...“	104
148. „К чему невольнику мечтания свободы?..“	105
149. „Наслаждайтесь: всё проходит...“	106
150. „Храни своё неопасенье...“	106
151. „Когда исчезнет омраченье...“	106
152. „Я не любил её, я знал...“	107
153. „Болящий дух врачует песнопенье...“	108
154. „О мысль! Тебе удел цветка...“	108
155. „О, верь: ты, нежная, дороже славы мне...“	108
156. „Есть милая страна, есть угол на земле...“	109
157. К. А. Тимашёвой	110
158. „Своенравное прозвание...“	110
159. Эпиграмма („Кто непременно мой ругатель?..“)	111
160. Мадона	111
161. „Весна, весна! Как воздух чист!..“	113
162. На смерть Гёте	114
163. А. А. Ф<уксов>ой	115
164. Запустение	116
165. Князю Петру Андреевичу Вяземскому	117
166. Последний поэт	118
167. Недоносок	120
168. Бокал	122
169. Алкивиад	123
170. „Там, где парил орёл двуглавый...“	123
171. Осень	124
172. „Сначала мысль, воплощена...“	128
173. „Увы! Творец непервых сил...“	128
174. „Филида с каждою зимою...“	128

175. Приметы	129
176. Обеды	129
177. „Мою звезду я знаю, знаю...“	130
178. „Толпе тревожный день приветен, но страшна...“	130
179. „Благословен святое возвестивший!..“	131
180. „Были бури, непогоды...“	131
181. „Ещё как патриарх, не древен я; моей...“	131
182. „На что вы, дни! Юдольный мир явления...“	132
183. „Всегда и в пурпуре и в злате...“	132
184. Мудрецу	132
185. „Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!..“	133
186. Рифма	133
187. Новинское	134
188. „Предрассудок! он обломок...“	134
189. „Что за звуки? Мимоходом...“	135
190. Ропот	135
191. Ахилл	135
192. Скульптор	136
193. „Здравствуй, отрок сладкогласный!..“	136
194. С книгою „Сумерки“ С. Н. К<арамзиной>	137
195. „Когда твой голос, о поэт...“	137
196. Пироскаф	138
197. Дядьке-итальянцу	139

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ ПРИ ЖИЗНИ БОРАТЫНСКОГО

198. Хор, петый в день именин дяденьки Б<огдана> Андр<еевича Боратынского> его маленькими племянницами Панчулидзевыми	142
199. Моя жизнь	143
200. „Полуразрушенный, я сам себе не нужен...“	143
201. „Мы будем пить вино по гроб...“	144
202. „Здесь погребён армейский капитан...“	144
203. „В пустых расчётах, в грубом сне...“	144
204. „Так, он ленивец, он негодник...“	144
205. Я унтер, други! - точно так...“	144
206. В альбом („Когда б вы менее прекрасной...“)	145
207. „Младые грации сплели себе венок...“	145
208. „Когда придётся как-нибудь...“	145
209. „Отчизны враг, слуга царя...“	146
210. „Войной журнальною бесчестит без причины...“	146
211. „Я был любим, твердила ты...“	146
212. „Простите, спорю невпопад...“	147
213. „В своих листах душонкой ты кривишь...“	147

214. Ода	148
215. „Откуда взял Василий непотешный...“	148
216. „Хотите ль знать все таинства любви...“	148
217. С. Л. Энгельгардт	149
218. „Мой старый пёс! Ты псом окончил век!..“	149
219. „Убог умом, но не убог задором...“	149
220. „Грузинский князь, газетчик русский...“	149
221. „Прости, мой милый! Так создать...“	150
222. „Не растравляй моей души...“	150
223. Н. Е. Б.	150
224. „Вот верный список впечатлений...“	150
225. На *** („В руках у этого педанта...“)	151
226. „На всё свой ход, на всё свои законы...“	151
227. Коттерии	152
228. „Спасибо злобе хлопотливой...“	152
229. Молитва	152
230. На посев леса	153
231. „Люблю я вас, богини пенья...“	154
232. Небо Италии, небо Торквата...“	154
233. „Когда, дитя и страсти и сомненья...“	154

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В СОАВТОРСТВЕ С ДРУГИМИ ПОЭТАМИ

234. „Там, где Семёновский полк...“	155
235. Певцы 15-го класса	155
236. „Наш приятель, Пушкин Лёв...“	157
237. Быль	157
238. „Князь Шаликов, газетчик наш печальный...“	158
239. Журналист Фиглярин и Истина	158
240. Куплеты на день рождения Зинаиды Волконской.....	159

II. DUBIA

241. „С неба чистая...“	161
242. „Приют, от светских посещений...“	161

III. СТИХОТВОРЕНИЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

243 (70). „Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore...“	161
--	-----

1

Взгляните: свежестью молодой
И в осень лет она пленяет,
И у неё летун седой
Ланитных роз не похищает;
Сам побеждённый красотой,
Глядит — и путь не продолжает!

1818?

2

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться ль мне, идти ли прочь,
Меж нами долго шли советы.

Но, в чашу светлого вина
Налив с улыбкою лукавой,
«Послушай, — молвила она, —
Вино советник самый здравый».

Я пил; на что ж решился я
Благим внушеньем полной чаши?
Побрёл по слякоти, друзья,
И до зари сидел у Паши.

1818 или 1819

3. К АЛИНЕ

Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был,
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой,
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.

Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал ещё приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живей
В душе моей возобновились.

Алина! чрез двенадцать лет,
Всё тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу ещё любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.

{1819}

4. ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

(В альбом)

Любовь и дружбу различают,
Но как же различить хотят?
Их приобрести равно желают,
Лишь нам скрывать одну велят.
Пустая мысль! Обман напрасный!
Бывает дружба нежной, страстной
Стесняет сердце, движет кровь,
И хоть таит свой огонь опасный,
Но с девушкой она прекрасной
Всегда похожа на любовь.

{1819}

5. ЭПИГРАММА

Дамон! ты начал — продолжай,
Кропай экспромты на досуге;
Возьмись за гений свой: пиши, черти, марай;
У пола нежного в бессменной будь услуге;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки —
И в награждение любимцем куклы будь
Или соперником собачки.

{1819}

6. ПРОЩАНИЕ

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! Вяну в утро дней!
Не мне стезёю потаённой,
В ночь молчаливую, тишком,
Младую деву под плащом
Вести в альков уединённый.
Бежит изменница любовь!
Светильник дней моих бледнеет,
Её дыханье не согреет
Мою хладеющую кровь.
Следы печалей, изнуренья
Приметит в страждущем она.
Не смейтесь, девы наслажденья,
И ваша скроется весна,
И вам пленять недолго взоры
Младую пышной красотой;
За что ж в болезни роковой
Я слышу горькие укоры?
Я прежде бодр и весел был,
Зачем печального бежите?
Подруги милые! вздохните:
Он сколько мог любви служил.

{1819}

7. К КРЕНИЦЫНУ

Товарищ радостей младых,
Которые для нас безвременно увяли,
Я свиделся с тобой! В объятиях твоих
Мне дни минувшие, как смутный сон, предстали!
О милый! я с тобой когда-то счастлив был!
Где время прежнее, где прежние мечтанья?
И живость детских чувств и сладость упования?
 Всё хладный опыт истребил.
Узнал ли друга ты? Болезни и печали
Его состарили во цвете юных лет;
Уж много слабостей, тебе знакомых, нет,
Уж многие мечты ему чужими стали!
 Рассудок твёрже и верней,
 Поступки, разговор скромнее;
Он осторожней стал, быть может, стал умнее,
Но, верно, счастьем теперь стократ бедней.
Не подражай ему! Иди своей тропою!
Живи для радости, для дружбы, для любви!
 Цветок нашел — скорей сорви!
 Цветы прелестны лишь весною!
Когда рассеянно, с унынием внимать
Я буду снам твоим о будущем, о счастье,
Когда в мечтах твоих не буду принимать,
Как прежде, пылкое, сердечное участие,
Не сетуй на меня, о друге пожалей:
Всё можно возвратить — мечтанья невозвратны!
Так! были некогда и мне они приятны,
 Но быстро скрылись от очей!
Я легковерен был: надежда, наслажденье
Меня с улыбкою манили в тёмну даль,
Я встретить радость мнил — нашёл одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить? Мой друг ещё со мной!
Я не всего лишён судьбой ожесточённой!
О дружба нежная! останься неизменной!
 Пусть будет прочее мечтой!

{1819}

8. ПОРТРЕТ В...

Тебя ль изобразить и ты ль изобразима?
Вчера задумчива, я помню, ты была,
Сегодня ветрена, забавна, весела,
Понятна сердцу ты, уму непостижима.
Не все ль противности в характере твоём?
В тебе чувствительность с холодностью совместна,
Непостоянна ты во всём,
И постоянно ты прелестна.

{1819}, 1823—1824

9. ДЕЛЬВИГУ

Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я муз и граций
Променял на вахтпарад;
Сыну милому Венеры,
Рощам Пафоса, Цитеры,
Приуныв, прости сказал;
Гордый лавр и мирт весёлый
Кивер воина тяжёлый
На главе моей измял.
Строю нет в забытой лире,
Хладно день за днём идет,
И теперь меня в мундире
Гений мой не узнаёт!

Мне ли думать о куплетах?
За свирель... а тут беды!
Марс затянутый, в штиблетах
Обегает уж ряды,
Кличет ратников по-свойски...
О судьбы переворот!
Твой поэт летит геройски
Вместо Пинда — на развод.

Вам, свободные пииты,
Петь, любить; меня же вряд
Иль камены, иль хариты
В карауле навелят.
Вольный баловень забавы,

Ты, которому дают
Говорливые дубравы
Поэтический приют,
Для кого в долине злачной,
Извиваясь, ключ прозрачный
Вдохновительно журчит,
Ты, кого зовут к свирели
Соловья живые трели,
Пой, любимец аонид!
В тихой, сладостной кручине
Слушать буду голос твой,
Как внимают на чужбине
Языку страны родной.

1819, {1826}

10. ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ВОСПОМИНАНИЯ»

Посланница небес, бессмертных дар счастливый,
Подруга тихая печали молчаливой,
О память! ты одна беседуешь со мной,
Ты возвращаешь мне отъятое судьбой;
Тобою счастья мгновенья легкокрылы,
Давно протёкшие, в мечтах мне снова милы.
Ещё в забвении дышу отрадой их;
Люблю, задумавшись, минувших дней моих
Воспоминать мечты, надежды, наслажденья,
Минуты радости, минуты огорченья.
Не раз, волшебною взлелеянный мечтой,
Я в ночь безмолвную беседовал с тобой;
И, в дни счастливые на час перенесённый,
Дремал утешенный и с жизнью примирённый.

Так, всем обязан я твоим приветным снам.
Тебя я петь хочу; дай жизнь моим струнам,
Цевнице вторь моей; твой голос сердцу внятен,
И резвой радости, и грусти он приятен.
Ах! кто о прежних днях порой не вспоминал?
Кто жизнь печальную мечтой не украшал?
Смотрите: вот старик седой, изнеможенный,
На ветхих костылях, под ношей лет согбенный,
Он с жизнью сопряжён страданием одним;
Уже могилы дверь отверста перед ним,
Но он живет ещё! Он помнит дни златые!
Он помнит резвости и радости младые!
С товарищем седым, за чашей круговой,
Мечтает о былом и вновь цветёт душой;
Светлеет взор его, весельем дух пылает,
И руку друга он с восторгом пожимает.

.....
.....
Наскучив странствием и жизни суетою,
Усталый труженик под кровлею родною
Вкушает сладостный бездействия покой;
Благодарит богов за мирный угол свой;
Забывтый от людей, блажит уединенье,
Где от забот мирских нашёл отдохновенье;
Но любит вспоминать он были прежних лет,
И море бурное, и столь же бурный свет,
Мечтанья юности, восторги сладострастья,
Обманы радости и ветреного счастья;
Милее кажется ему родная сень,
Покой отраднее, приятней рощи тень,
Уединённая роскошнее природа,
И тихо шепчет он: «Всего милей свобода!»

О дети памяти! О Фебовы сыны!
Певцы бессмертные! Кому одолжены
Вы силой творческой небесных вдохновений?
— Отзыву прежних чувств и прежних впечатлений.
Они неопытный развить умели ум,
Зажгли, питали в нём, хранили пламень дум.
Образовала вас природа — не искусство:
Так чувство выражать одно лишь может чувство.
Когда вы кистию волшебною своей
Порывы бурные, волнение страстей
Прелестно, пламенно и верно выражали,
Вы отголоску их в самих себе внимали.
Ах, скольких стоит слёз бессмертия венец!

.....
.....
.....
Но всё покоится в безмолвии ночном,
И вежды томные сомкнулись тихим сном.

Воспоминания небесный, светлый гений
К нам ниспускается на крыльях сновидений.
В пленительных мечтах, одушевлённых им,
И к играм и к трудам обычным мы спешим:
Пастух берёт свирель, владелец — багряницу,
Художник — кисть свою, поэт — свою цевницу
Потомок рыцарей, взлелеянный войной,
Сверкающим мечом махает над головой.

.....
.....
Доколе памяти животворящий свет
Ещё не озарил туманной бездны лет,
Текли в безвестности века и поколенья;
Всё было жертвою безгласного забвенья:

Дела великие не славились молвой,
Под камнем гробовым незнаем тлел герой.
Преданья свет блеснул — и камни глас прияли,
Века минувшие из тьмы своей восстали;
Народы поздние урокам внемлют их,
Как гласу мудрому наставников седых.

Рассказы дивные! Волшебные картины!
Свободный, гордый Рим! Блестящие Афины!
Великолепный ряд триумфов и честей!
С каким волнением внимал я с юных дней
Бессмертным повестям Плутарха, Фукидида!
Я персов поражал с дружиной Леонида;
С отцом Виргинии отмщением пылал,
Казалось, грудь мою пронзил его кинжал;
И, подданный царя, защитник верный трона,
В восторге трепетал при имени Катона.

.....
.....

Но любопытный ум в одной ли тьме преданий
Найдёт источники уроков и познаний?
Нет; всё вокруг меня гласит о прежних днях.
Блуждая странником в неизвестных краях,
Я всюду шествую, минувшим окруженный.
Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной:
И грады, и поля, и сей безмолвный ряд
Рукою времени набросанных громад.
Событий прежних лет свидетель молчаливый,
Со мной беседует их прах красноречивый.
Здесь отвечают мне оракулы времен:
Смотрите — видите ль, дымится Карфаген!
Полнеба Африки пожарами пылает!
С протяжным грохотом Пальмира упадает!
Как волны дымные бегущих облаков,
Мелькают предо мной события веков.
Печать минувшего повсюду мною зрима...
Поля Авзонии! Державный пепел Рима!
Глашатаи чудес и славы прежних лет!
С благословеньем вас приветствует поэт.
Смотрите, как века, незримо пролетая,
Твердыни древние и горы подавляя,
Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм,
Остатки гордые являют Рима нам.
Великолепные, бессмертные громады!
Вот здесь висящих рек шумели водопады,
Вот здесь входили в Рим когорты плебеян,
Обременённые богатством дальних стран;
Чертогов, портиков везде я зрю обломки,
Где начертал резец римлян деянья громки.
Не смела времени разрушить их рука,

И возлегли на них усталые века.
Всё, всё вещает здесь уму, воображенью.
Внимайте времени немому поученью!
Познайте гления незыблемый закон!
Из-под развалин сих вещает глухо он:
«Всё гибнет, всё падёт — и грады, и державы..
О колыбель наук, величия и славы!
Отчизна светлая героев и богов!
Святая Греция! Теперь толпы рабов
Блуждают на берегах божественной Эллады;
Ко храму ветхому Дианы иль Паллады
Шалаш пристроил свой ленивый рыболов!
Ты б не узнал, Солон, страну своих отцов:
Под чуждым скипетром главой она поникла;
Никто не слышит там о подвигах Перикла;
Всё губит, всё мертвит невежества ярем.
Но неужель для нас язык развалин нем?
Нет, нет, лишь понимать умеете их молчанье
И новый мир для вас создаст воспоминанье.

.....
.....

Счастлив, счастлив и тот, кому дано судьбою
От странствий отдохнуть под кровлею родною,
Увидеть милую, священную страну,
Где жизни он провёл прекрасную весну,
Провёл невинное, безоблачное детство.
О край моих отцов! О мирное наследство!
Всегда присутственны вы в памяти моей:
И в берегах крутых сверкающий ручей,
И светлые луга, и тёмные дубравы,
И сельских жителей приветливые нравы.
Приятно вспоминать младенческие дни...

.....
.....

Когда, едва вздохнув для жизни неизвестной,
Я с тихой радостью взглянул на мир прелестный, —
С каким восторгом я природу обнимал!
Как свет прекрасен был! Увы! тогда не знал
Я буйственных страстей в беспечности невинной:
Дитя, взлелеянный природою пустынной,
Её одну лишь зрел, внимал одной лишь ей;
Сиянье солнечных, торжественных лучей
Веселье тихое мне в сердце проливалось;
Оно с природою в ненастье унывало;
Не знал я радостей, не знал я мук других,
За мигом не умел другой предвидеть миг;
Я слишком счастлив был спокойствием незнанья;
Блаженства чуждые и чуждые страданья,
Часы невидимо мелькали надо мной...
О, суждено ли мне увидеть край родной,

Друзей оставленных, друзей всегда любимых,
И сердцем отдохнуть в тени дерев родимых?..
Там счастье я найду в отрадной тишине.
Не нужны почести, не нужно злато мне;
Отдайте прадедов мне скромную обитель.
Забытый от людей, дубрав безвестных житель,
Не позавидую надменным богачам;
Нет, нет, за тщетный блеск я счастья не отдам;
Не стану жертвовать фортуне своевольной.
Спокойный совестью, судьбой своей довольный,
И песни нежные, и мирный фимиам
Я буду посвящать отеческим богам.

Так, перешедши жизнь незнаемой тропюю,
Свой подвиг совершив, усталою главою
Склонюсь я наконец ко смертному одру;
Для дружбы, для любви, для памяти умру;
И всё умрет со мной! Но вы, любимцы Феба
Вы, вместе с жизнью принявшие от неба
И дум возвышенных и сладких песней дар!
Враждующей судьбы не страшен вам удар:
Свой век опередив, заране слышит гений
Рукоплескания грядущих поколений.

.....
.....

1819

11

Тебе на память в книге сей
Стихи пишу я с думой смутной.
Увы! в обители твоей
Я, может статься, гость минутный!
С изнемогающей душой,
На неизвестную разлуку
Не раз трепещущей рукой
Друзьям своим сжимал я руку.
Ты помнишь милую страну,
Где жизнь и радость мы узнали,
Где зрели первую весну,
Где первой страстию пылали?
Покинул я предел родной!
Так и с тобою, друг мой милый,
Здесь проведу я день-другой,
И — как узнать? — в стране чужой
Окончу я мой век унылый;
А ты прибудешь в дом отцов,
А ты узришь поля родные

И прошлых счастливых годов
Вспомнешь были золотые.
Но где товарищ, где поэт,
Тобой с младенчества любимый?
Он совершил судьбы завет,
Судьбы, враждебной с юных лет
И до конца непримиримой!
Когда ж стихи мои найдёшь,
Где складу нет, но чувство живо,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо лист перевернёшь.

1819, {1826}

12

Итак, мой милый, не шутя,
Сказав прости домашней неге,
Ты, ус мечтательный крутя,
На шибко скачущей телеге
От нас, увы! далеко прочь,
О нас, увы! не сожалея,
Летишь курьером день и ночь
Туда, туда, к шатрам Арея!
Итак, в мундире щегольском
Ты скоро станешь в ратном строе
Меж удальцами удальцом!
О милый мой! Согласен в том:
Завидно счастье такое!
Не приобщуся невпопад
Я к мудрецам, чрез меру важным.
Иди! Воинственный наряд
Приличен юношам отважным.
Люблю я бранные шатры,
Люблю беспечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрых, воин мой,
Люблю их видеть, в битве шумной
Летящих в пламень роковой
Толпой весёлой и безумной!
Священный долг за ними вслед
Тебя зовёт, любовник брани;
Ступай, служи богине бед,
И к ней трепещущие длани
С мольбой подымет твой поэт.

1819, {1826}

13

Он близок, близок, день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать, но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня её сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне.

1819, {1826}

14

Поэт Писцов в стихах тяжеловат,
Но я люблю незлобного собрата:
Ей-ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.

1819, {1826}

15

Незнаю? Милая Незнаю!
Краса пленительна твоя:
Незнаю я предпочитаю
Всем тем, которых знаю я.

{1820}

16

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя,
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

{1820}, {1826}

17. К<РЫЛО>ВУ

Любви весёлый проповедник,
Всегда любезный говорун,
Глубокомысленный шалун,
Назона правнук и наследник!
Дана на время юность нам;
До рокового новоселья
Пожить не худо для веселья.
Товарищ милый, по рукам!
Наука счастья нам знакома,
Часы летят! Скорей зови
Богиню милую любви!
Скорее ветреного Мома!
Альков уютный приготовь!
Наполни чаши золотые!
Изменят скоро дни молодые,
Изменит скоро нам любовь!
Летающий миг лови украдкой —
И Гея, Вакх ещё с тобой!
Ещё полна, друг милый мой,
Пред нами чаша жизни сладкой;
Но смерть, быть может, сей же час
Её с насмешкой опрокинет —
И мигом в сердце кровь остынет,
И дом подземный скроет нас!

1—15 января 1820

18

Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой,
Товарищ радостей минувших,
Товарищ ясных дней, недавно надо мной
Мечтой весёлою мелькнувших?

Ужель душе твоей так скоро чуждым стал
Друг отлучённый, друг далёкий,
На финских берегах между пустынных скал
Бродящий с грустью одинокой?

Где ты, о Дельвиг мой! Ужель минувших дней
Лишь мне чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей
Судьбой отторженного брата?

Ты помнишь ли те дни, когда рука с рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни вверились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?

«Что в славе? Что в молве? На время жизнь дана!» -
За полной чашей мы твердили
И весело в струях блестящего вина
Забвеньё сладостное пили.

И вот сгустилась ночь — и всё в глубоком сне,
Лишь дышит влажная прохлада;
На стогнах тишина! Сияют при луне
Дворцы и башни Петрограда.

К знакомцу доброму стучится Купидон —
Пусть дремлет труженик усталый!
«Проснись, юноша, отвергни, — шепчет он, —
Покой бесчувственный и вялый.

Взгляни! Ты видишь ли: покинув ложе сна,
Перед окном, полуодета,
Томленья страстного в душе своей полна,
Счастливица ждёт моя Лилета?»

Толпа безумная! Напрасно ропщешь ты!
Блажен, кто лёгкою рукою
Весной умел срывать весенние цветы
И в мире жил с самим собою;

Кто без уныния глубоко жизнь постиг
И, равнодушием богатый,
За царство не отдаст покоя сладкий миг
И наслажденья миг крылатый!

Давно румяный Феб прогнал ночную тень,
Давно проснулись заботы,
А баловня забав ещё покоит лень
На ложе неги и дремоты.

И Лила спит ещё; любовью горят
Младые свежие ланиты,
И, мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят
Её уста полуоткрыты.

И где ж берега Невы? Где чаш весёлый стук?
Забыт друзьями друг заочный,
Исчезли радости, как в вихре слабый звук,
Как блеск зарницы полуночной!

И я, певец утех, пою утрату их,
И вокруг меня скалы суровы,
И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы.

10—15 января 1820, {1826}

19. К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Прости, поэт! Судьбина вновь
Мне посох странника вручила,
Но к музам чистая любовь
Уж нас навек соединила!

Прости! Бог весть когда опять,
Желанный друг в гостях у друга,
Я счастье буду воспевать
И негу праздного досуга!

О милый мой! Всё в дар тебе —
И грусть, и сладость упования!
Молись невидимой судьбе:
Она приблизит час свиданья.

И я, с пустынных финских гор,
В отчизне бранного Одена,
К ней возведу молящий взор,
Упав смиренно на колена.

Строга ль богиня будет к нам,
Пошлёт ли весть соединенья?
Пускай пред ней сольются там
Друзей согласные моленья!

18 января 1820

20. ПОДРАЖАНИЕ ЛАФАРУ

Свободу дав тоске моей,
Уединённый, я недавно
О наслажденьях прежних дней
Жалел и плакал своенравно.
«Всё обмануло, — думал я, —
Чем сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
Что было цветом бытия!
Наставлен истиной угрюмой,
Отныне с праздною душой
Живых восторгов лёгкий рой
Я заменю холодной думой
И сердца мёртвой тишиной!»
Тогда с улыбкою коварной
Предстал внезапно Купидон.
«О чём вздыхаешь, — молвил он, —
О чём грустишь, неблагодарный?»

Забудь печальные мечты:
Я вечно юн и я с тобою!
Воскреснуть сердцем можешь ты;
Не веришь мне? Взгляни на Хлою!»

15 марта 1820

21. ВЕСНА (Элегия)

Мечты волшебные, вы скрылись от очей!
Сбылися времени угрозы!
Хладеет в сердце жизнь, и юности моей
Поблекли утренние розы!

Благоуханный май воскреснул на лугах,
И пробудилась Филомела,
И Флора милая на радужных крылах
К нам обновленная слетела.

Вотще! Не для меня долины и леса
Одушевились красотой
И светлой радостью сияют небеса!
Я вяну, — вянет всё со мною!

О, где вы, призраки невозвратимых лет,
Богатство жизни — вера в счастье?
Где ты, молодого дня пленительный рассвет?
Где ты, живое сладострастье?

В дыхании весны всё жизнь младую пьёт
И негу тайного желанья!
Всё дышит радостью и, мнится, с кем-то ждёт
Обетованного свиданья!

Лишь я как будто чужд природе и весне:
Часы крылатые мелькают;
Но радости принести они не могут мне
И, мнится, мимо пролетают.

1—20 марта 1820

22. ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным!

Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
Там необъятными водами
Слилось море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошёл тяжёлыми стопами,
Сошёл — и смотрится в зеркале гладких вод!
Уж поздно, день погас, но ясен неба свод;
На скалы финские без мрака ночь нисходит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Одиновых детей,
Грозы народов отдалённых!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвящённых!

Умолк призывный щит, не слышен скальда глас,
Воспламенённый дуб угас,
Развевал буйный ветер торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов;
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!
И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от брега к берегу бои,
Куда вы скрылись, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы её вперив скорбящи очи,
Плывёте в облаках туманною толпой?
Вы ль? Дайте мне ответ, услышьте голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? Зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылись в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что ж слава наших дней,
Что наше ветренное племя?
О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!

Для всех один закон — закон уничтоженья,
Во всём мне слышится таинственный привет
Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу ль перед судьбою?
Не вечный для времён, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
Что нужды для былых иль будущих племён?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награждён
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Март — первая половина апреля 1820 {1826}

23. ФИНСКИМ КРАСАВИЦАМ

(Мадригал)

Так, ваш язык ещё мне нов,
Но взоры милых сердцу внятны
И звуки незнакомых слов
Давно душе моей понятны.
Я не умел ещё любить —
Опасны сердцу ваши взгляды!
И сын Фрегеи, может быть,
Сильнее будет сына Лады!

Март — первая половина апреля 1820

24

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
Живой источник сладострастья
Дарован в нём его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?
Бездейственность души счастливых тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?

Счастливыцы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
 Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
 Тот дорожит врачом душевным.
Что, что даёт любовь весёлым шалунам?
Забаву лёгкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
 И нужд живейших утоленья!
 Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги —
 Скажу ль? — все раны, все недуги,
Всё расслабление души твоей больной,
 Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах её, в её дыханье пить
 Целебный воздух жизни новой!
 Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,
Счастливыцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

1820

25

Когда неопытен я был,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишком прихотливый,
Я за любовь любви молил;
Я трепетал в тоске желанья
У ног волшебниц молодых,
Но тщетно взор во взорах их
Искал ответа и узнанья!
Огонь утих в моей крови;
Покинув службу Купидона,
Я променял сады любви
На верх бесплодный Геликона.
Но светлый мир уныл и пуст,
Когда душе ничто не мило:
Руки пожатые заменило
Мне поцелуй прекрасных уст.

1820 или 1821

26. ЛАГЕРЬ

Рассеивает грусть пиров весёлый шум.
Вчера, за чашей круговую,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою.

Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? Вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно с друзьями радость пел —
Восторги их мне чужды были.

Того не приобрести, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен:
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен!

{1821}

27

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! О край, всегда любимый!
Родные небеса! Незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед, в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,

В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волнением учится, губя часы золотые,
Науке измерять окопы боевые —
Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Орадай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведёшь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негой воскреснувшей природе,
С тяжёлым заступом явлюся в огороде,
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! Не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней Фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за лёгкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеёк по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединённый,
И липу свежую, и тополь осребрённый;
В тени их отдохнёт мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

{1821}

28

В своих стихах он скукой дышит,
Жужжаньем их наводит сон.
Не говорю: зачем он пишет,
Но для чего читает он?

{1821}

29

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.

Похищенной искрой создание своё
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На брентную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает...

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

{1821}

30. ЭЛЕГИЯ

Нет, не бывать тому, что было прежде!
Что в счастье мне? Мертва душа моя!
«Надейся, друг!» — сказали мне друзья.
Не поздно ли вверяться мне надежде,
Когда желать почти не в силах я?

Я бременюсь нескромным их участием,
И с каждым днем я верой к ним бедней.
Что в пустоте несвязных их речей?
Давным-давно простился я со счастьем,
Желательным слепой душе моей!
Лишь вслед ему с унылым сладострастьем
Гляжу я в даль моих минувших дней.
Так нежный друг, в бесчувственном забвенье,
Ещё глядит на зыби синих волн,
На влажный путь, где в тёмном отдаленье
Давно исчез отбывший дружный челн.

{1821}

31. РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

{1821}

32. БОЛЬНОЙ

Други! радость изменила,
Предо мною мрачен путь,
И болезнь мне положила
Руку хладную на грудь.
Други! станьте вокруг постели.
Где утех златые дни?
Быстро, быстро пролетели
Тенью лёгкою они.
Всё прошло; ваш друг печальный
Вянет в жизни молодой,

С новым утром погребальный,
Может быть, раздастся вой, —
И раздвинется могила,
И заснёт, недвижимый, он,
И твоё лобзанье, Лила,
Не прервёт холодный сон.

Что нужды! До новоселья
Поживём и пошалим,
В память прежнего веселья
Шумный кубок осушим.
Нам судьба велит разлуку..
Как же быть, друзья? — Вздохнуть,
На распутье сжать мне руку
И сказать: счастливый путь!

{1821}

33

Твой детский вызов мне приятен,
Но не желай моих стихов:
Не многим избранным понятен
Язык поэтов и богов.
Когда под звонкие напевы,
Под звук свирели плясовой,
Среди полей, рука с рукой,
Кружатся юноши и девы,
Вмешавшись в резвый хоровод,
Хариты, ветреный Эрот,
Дриады, фавны пляшут с ними
И гонят прочь толпу забот
Воскликновеньями своими.
Поодаль музы между тем,
Таясь в сумраке дубравы,
Глядят, не зримые никем,
На их невинные забавы,
Но их собор в то время нем.
Певцу ли ветрено бесславить
Плоды возвышенных трудов
И легкомыслие забавить
Игрою гордою стихов?
И той нередко, чьё воззренье
Дарует лире вдохновенье,
Не поверяет он его:
Поёт один, подобный в этом
Пчеле, которая со цветом
Не делит мёда своего.

{1821}, {1826}

34. ПЕСНЯ

Страшно воеет, завывает
Ветр осенний;
По поднебесью далече
Тучи гонит.

На часах стоит печален
Юный ратник;
Он уносится за ними
Грустной думой.

«О, куда, куда вас, тучи,
Ветер гонит?
О, куда ведёт судьбина
Горемыку?»

Тошно жить мне: мать родную
Я покинул!
Тошно жить мне: с милой сердцу
Я расстался!»

«Не грусти! — душа-девица
Мне сказала. —
За тебя молиться будет
Друг твой верный».

«Что в молитвах? я в чужбине
Дни скончаю.
Возвращусь ли? взор твой друга
Не признает.

Не видать в лицо мне счастья;
Жить на что мне?
Дай приют, земля сырая,
Расступися!»

Он поёт, никто не слышит
Слов печальных...
Их разносит, заглушает
Ветер бурный.

{1821}

35

Приятель строгий, ты не прав,
Несправедливы толки злые;
Друзья веселья и забав,
Мы не повесы записные!
По своеволию страстей
Себе мы правил не слагали,
Но пылкой жизнью юных дней,
Пока дышалось, дышали;
Любили шумные пиры;
Гостей весёлых той поры,
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили.
Во имя лучших из богов,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пели счастье шалунов,
Сердечно презря крикунов
И их ревнивые обиды.
Мы пели счастье дней младых,
Меж тем летела наша младость;
Порой задумывалась радость
В кругу поклонников своих;
В душе больной от пищи многой,
В душе усталой пламень гас,
И за стаканом в добрый час
Застал нас как-то опыт строгий.
Наперсниц наших, страстных дев
Мы поцелуи позабыли
И, пред суровым оробев,
Утехи крылья опустили.
С тех пор, любезный, не поём
Мы безрассудные забавы,
Смиренно дни свои ведём
И ждём от света доброй славы.
Теперь вопрос я отдаю
Тебе на суд. Подумай, мы ли
Переменяли жизнь свою
Иль годы нас переменяли?

{1821}

36

Живи смелей, товарищ мой,
Разнообразь досуг шуточный!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньем и хвалой!
О, как безумна жажда славы!
Равно исчезнут в бездне лет
И годы шумные побед
И миг незнаемый забавы!
Всех смертных ждёт судьба одна,
Всех чередом поглотит Лета:
И философа-болтуна,
И длинноусого корнета,
И в молдаванке шалуна,
И в рубище анахорета.
Познай же цену срочных дней,
Лови пролётное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливей, кто умней.
Будь дружен с музою моею,
Оставим мудрость мудрецам, —
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею?

{1821}

37

Один, и пасмурный душою,
Я пред окном сидел;
Свистела буря надо мною,
И глухо дождь шумел.

Уж поздно было, ночь спустилась,
Но сон бежал очей.
О днях минувших пробудилась
Тоска в душе моей.

«Увижу ль вас, поля родные,
Увижу ль вас, друзья?
Губя печалью дни молодые,
Приметно вяну я!

Дни пролетают, годы тоже;
Меж тем беднеет свет!
Давно ль покинул вас — и что же?
Двоих уж в мире нет!

И мне назначена могила!
Умру в чужой стране,
Умру, и ветреная Лила
Не вспомнит обо мне!»

Душа стеснилася тоскою;
Я грустно онемел,
Склонился на руку главою,
В окно не зря глядел.

Очнулся я; румян и светел,
Уж новый день сиял,
И громкой песнью ранний петел
Мне утро возвещал.

Январь — февраль 1821

38. В АЛЬБОМ

Вы слишком многими любимы,
Чтобы возможно было вам
Знать, помнить всех по именам;
Сии листки необходимы;
Они не нужны были встарь:
Тогда не знали дружбы модной,
Тогда, Бог весть! иной дикарь
Сердечный адрес-календарь
Почёл бы выдумкой негодной.
Что толковать о старине!
Стихи готовы. Может статься,
Они для справки обо мне
Вам очень скоро пригодятся.

Январь — февраль 1821

39

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить — плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность — прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже.
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

Январь — февраль 1821

40

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодой ревучей
Твой рёв мятежный соглашён.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

Апрель — начало мая 1821

41

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;

Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рёв, и всё питает
Безумье мрачных дум;
Где, отлучённый от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь для сладкого свиданья
Спешу к стране родной;
В воображенье край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провёл мою весну,
Но где порою, житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

Между 1 и 15 мая 1821

42

Пора покинуть, милый друг,
Знамёна ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, пока досуг.
Чьих ожидать увещеваний!
Мы лишены старинных прав
На своеволие забав,
На своеволие желаний.
Уж отлетает век молодой,
Уж сердце опытнее стало:
Теперь ни в чём, любезный мой,
Нам исступленье не пристало!
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья;
Не упоения, а счастья

Искать для сердца должно нам.
Пресытись буйным наслажденьем,
Пресытись ласками цирцей,
Шепчу я часто с умиленьем
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души;
В чьё неизменное участие
Беспечно веровал бы я,
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутье бытия?
Где ж обречённая судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или с волненьем и тоскою
Её напрасно я зову?
Или в печали одинокой
Я проведу остаток дней
И тихий свет её очей
Не озарит их тьмы глубокой,
Не озарит души моей!..

Май? 1821

43. ЦВЕТОК

С восходом солнечным Людмила,
Сорвав себе цветок,
Куда-то шла и говорила:
«Кому отдам цветок?»

Что торопиться? Мне ль наскучит
Лелеять свой цветок?
Нет! недостойный не получит
Душистый мой цветок».

И говорил ей каждый встречный:
«Прекрасен твой цветок!
Мой милый друг, мой друг сердечный,
Отдай мне твой цветок».

Она в ответ: «Сама я знаю,
Прекрасен мой цветок,
Но не тебе, и это знаю,
Другому мой цветок».

Красою яркой день сияет, —
У девушки цветок;
Вот полдень, вечер наступает, —
У девушки цветок!

Идёт. Услада повстречала,
Он прелестью цветок.
«Ты мил! — она ему сказала. —
Возьми же мой цветок!»

Он что же деве? Он спесиво:
«На что мне твой цветок?
Ты даришь мне его — не диво:
Увянул твой цветок».

Июнь — июль? 1821

44

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немym развалинам твоим
Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги?
Град пышный, где твои чертоги?
Где сильные твои, о родина мужей?

Тебе ли изменил победы мощный гений?
Ты ль на распутии времён
Стоишь в позорище племён,
Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому ещё грозишь с твоих семи холмов?
Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель?
Или, как призрак-обвинитель,
Печальный предстоишь очам твоих сынов?

Июль — первая половина августа 1821

45

Чтоб очаровывать сердца,
Чтоб возбуждать рукоплесканья,
Я слышал, будто для певца
Всего нужнее дарованья.
Путей к Парнасу много есть:
Зевоту можно - произвести
Поэмой длинной, громкой одой,
И век того не приобрести,
Чего нам не дано природой.
Когда старик Анакреон,
Сын верный неги и прохлады,
Весёлый пел амфоров звон
И сердцу памятные взгляды,
Вслед за толпой молодых забав,
Богини песней, миновав
Певцов усерднейших Эллады,
Ему внимать исподтишка
С вершины Пинда поспешали
И балагура-старика
Венком бессмертья увенчали.

Так своенравно Аполлон
Нам раздает свои награды;
Другому богу Геликон
Отдать хотелось бы с досады!
Напрасно до поту лица
О славе Фофанов хлопочет:
Ему отказан дар певца,
Трудится он, а Феб хохочет.
Меж тем, даря веселью дни,
Едва ли Батюшков, Парни
О прихотливой вспоминали,
И что ж? нечаянно они
Её в Цитере повстречали.

Пленён ли Хлоей, Дафной ты,
Возьми Тибуллову цевницу,
Воспой победы красоты,
Воспой души своей царицу;
Когда же любишь стук мечей,
С высокой музою Омира
Пускай поёт вражды царей
Твоя воинственная лира.
Равны все музы красотой,
Несходство их в одной одежде.
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.

1821?

46

Так! отставного шалуна
Вы вновь шалить не убеждайте
Иль золотые времена
Младых затей ему отдайте!

Переменяют годы нас
И с нами вместе наши нравы:
От всей души люблю я вас,
Но ваши чужды мне забавы.

Уж Вахх, увенчанный плющом,
Со мной по улицам не бродит
И к вашим нимфам вечерком
Меня, шатаясь, не заводит.

Весельчакам я запер дверь,
Я пресыщён их буйным счастьем
И заменил его теперь
Пристойным, тихим сладострастьем.

В пылу начальном дней младых
Неодолимы наши страсти:
Проказим мы, но мы у них,
Не у себя тогда во власти.

В своей отваге молодой
Товарищ ваш блажил довольно;
Не видит он нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.

1821?

47. ДЕЛЬВИГУ

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путём одним пойдём до двери гроба,
И тщетно нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишённый сил?
Я погибал — ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.

Ты ввёл меня в семейство добрых муз;
Деля досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал её свинцовый груз
И перед ней унился душою?
Ты сам порой глубокую печаль
В душе носил, но что? Не мне ли вверить
Спешил её? И дружба не всегда ль
Хоть несколько могла её умерить?
Забытые фортуною слепой,
Мы ей назло друг в друге всё имели
И, дружества твердя обет святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели.

О! верь мне в том: чем жребий ни грозит,
Упорствуя в старинной неприязни,
Душа моя не ведает боязни,
Души моей ничто не изменит!
Так, милый друг! позволят ли мне боги
Ярмо забот сложить когда-нибудь
И весело на светлый мир взглянуть,
По-прежнему ль ко мне пребудут строги —
Всегда я твой. Судьёй души моей
Ты должен быть и в ведро и в ненастье,
Удвоишь ты моих счастливых дней
Неполное без разделенья счастье;
В дни бедствия я знаю, где найти
Участие в судьбе своей тяжёлой;
Чего ж робеть на жизненном пути?
Иду вперёд с надеждою весёлой.
Ещё позволь желание одно
Мне произнесть: молюся я судьбине,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.

1821?

48. ЭЛИЗИЙСКИЕ ПОЛЯ

Бежит неверное здоровье,
И каждый час готовлюсь я
Свершить последнее условие,
Закон последний бытия;
Ты не спасёшь меня, Киприда!
Пробьют урочные часы,
И низойдёт к брегам Аида
Певец веселья и красы.

Простите, ветреные друзья,
С кем беззаботно в жизни сей

Делил я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Где ни жил я, мне всё равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино.
Не изменясь в подземном мире,
И там на шаловливой лире
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафне и Темире
Неприхотливую любовь.

О Дельвиг! слезы мне не нужны;
Верь, в закоцитной стороне
Приём радушный будет мне:
Со мною музы были дружны!
Там, в очарованной тени,
Где благоденствуют поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мне они.

Когда из таинственной сени,
От тёмных Орковых полей,
Здесь навещать своих друзей
Порою могут наши тени,
Я навещу, о други, вас,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумного похмелья
Вы соберётесь в праздный час,
Приду я с вами Вакха славить;
А к вам молитва об одном:
Прибор покойнику оставить
Не позабудьте за столом.

Меж тем за тайными берегами
Друзей вина, друзей пиров,
Веселых, добрых мертвецов
Я подружу заочно с вами.
И вам, чрез день или другой,
Закон губительный Зевеса
Велит покинуть мир земной;
Мы встретим вас у врат Айдеса
Знакомой дружеской толпой;
Наполним радостные чаши,
Хвала свиданью возгремит,
И огласят приветы наши
Весь необъемлемый Аид!

1821?

49

Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!
В ней говорит
И жар ланит,
И вздох случайный...
О! я знаком
С сим языком
Любови тайной!
В душе твоей
Уж нет покоя;
Давным-давно я
Читаю в ней:
Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!

{1822}

50

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует моё воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдёт ли сон и взор сомкнёт ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье;
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

{1822}

51

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель, улыбнись, когда из ней
Случится девице моей
Унести во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.

{1822}

52

Зачем, о Делия! сердца молодые ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемого счастья?
Я видел вокруг тебя поклонников твоих,
Полуиссохших в страсти жадной:
Достигнув их любви, любовным клятвам их
Внимаешь ты с улыбкой хладной.
Обманывай слепцов и смейся их судьбе;
Теперь душа твоя в покое;
Придётся некогда изведать и тебе
Очарованье роковое!
Не опасаясь насмешливых сетей,
Быть может, избранный тобою
Уже не вверится огню любви твоей,
Не тронется её тоскою.
Когда ж пора придёт и розы красоты,
Вседневно свежестью беднея,
Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты,
К чему, бесчарная Цирцея?
Искусством округлишь ты высохшую грудь,
Худые щёки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь как-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!
Взамену снов молодых тебе не обрести
Покоя, поздних лет отрады;
Куда бы ни пошла, взроются на пути
Самолюбивые досады!
Немирного душой на мирном ложе сна
Так убегает усыпление,
И где для каждого доступна тишина,
Страдальца ждёт одно волнение.

{1822}, {1826}

53

На звук цевницы голосистой,
Толпой забав окружена,
Летит прекрасная весна;
Благоухает воздух чистый,
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и метели,
Текут потоками снега;
Опять в горах трубят рога,
Опять зефиры налетели
На обновлённые луга.

Над урной мшистою наяда
Проснулась в сумраке ветвей,
Стрясает иней с кудрей,
И, разломав оковы хлада,
Заговорил её ручей.

Восторги дух мой пробудили!
Звучат и блещут небеса;
Певцов пернатых голоса,
Пастушьи песни огласили
Долины, горы и леса.

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты, в печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измена
Ещё судьбе не прощена!

Унынье в грудь к тебе теснится,
Не видишь ты красы лугов.
О, если б щедростью богов
Могла ко смертным возвратиться
Пора любви с порой цветов!

Март — первая половина апреля 1822

54. СЕСТРЕ

И ты покинула семейный мирный круг!
Ни степи, ни леса тебя не задержали;
И ты летишь ко мне на глас моей печали —
О милая сестра, о мой вернейший друг!
Я узнаю тебя, мой ангел-утешитель,
Наперсница души от колыбельных дней;
Не тщетно нежности я веровал твоей,
Тогда ещё, тогда достойный их ценитель!..
 Приди ж — и радость призови
 В приют мой, радостью забытый;
Повея отрадою душе моей убитой
И сердце мне согрей дыханием любви!
Как чистая роса живит своей прохладой
Среди нагих степей, — спасительной усладой
 Так оживишь мне чувства ты.

Июль 1822

55. ЭПИГРАММА

Везде бранит поэт Клеон
Мою хорошенькую музу;
Всё обернуть умеет он
В бесславье нашему союзу.
Морочит добрых он людей,
А слыть красоточке моей
У них негодницей обидно.
Поэт Клеон смешной злодей;
Ему же после будет стыдно.

1822?

56

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго ль будет вам
Внимать с холодной улыбкой
Любви укорам и мольбам?
Одни победы вам известны;
Любовь нечаянно узнав,
Каких лишитесь вы прав
И меньше ль будете прелестны?
Ко мне, примерно, нежной став,
Вы наслажденья лишены ли
Дурачить пленников других
И гордой быть, как прежде были,
К толпе соперников моих?
Ещё же нужно размышленье!
Любви простое упоенье
Вас не довольствует вполне;
Но с упоеньем поклоненье
Соединить не трудно мне;
И, ваш угодник постоянный,
Попеременно я бы мог —
Быть с вами запросто в диванной,
В гостиной быть у ваших ног.

1822 или 1823

57. ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Желтел печально злак полей,
Брега взрывал источник мутный,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.
На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
Прощался так молодой певец
С дубравой, сердцу драгоценной:
«Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голос помню я:
“Готовься, юноша несчастный!
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит;
Уж он сияет из Эрева,
Последний лист падёт со древа,
Твой час последний прозвучит!”
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей!
Покину всё, что сердцу мило.
Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? время наступило:
Вались, вались, поблѣкый лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынною тропею,
Вдоль незабвенного ручья,
Придѣт поплакать надо мною
Подруга нежная моя,
Твой лёгкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит её приход!»
Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил,
Последний лист упал со древа,
Последний час его пробил.
Близ рощи той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней!

{1823}, {1826}

58

Чувствительны мне дружеские пени,
Но искренне забыл я Геликон
И признаюсь: неприхотливой лени
Мне нравится приманчивый закон;
Охота петь уж не владеет мною:
Она прошла, погасла, как любовь.
Опять любить, играть струнами вновь
Желал бы я, но утомлён душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
С бездействием любезен мне союз;
Лелеемый счастливым усыплением,
Я не хочу притворным исступлением
Обманывать ни юных дев, ни муз.

{1823}

59. ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприяженный ручей,
Чьё докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.

{1823}

60

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;

Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знание бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный:
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мёртвых из гробов,
Волхвы словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, —

Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснётесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

{1823}

61. РАЗМОЛВКА

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелён; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? Печальней доля чья?
Кто отягчён утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

{1823}, {1826}

62

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешёл до полдороги;
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.

{1823}

63. Н. И. ГНЕДИЧУ

Нет! в одиночестве душой изнемогая
Средь каменных пустынь противного мне края,
Для лучших чувств души ещё я не погиб,
Я не забыл тебя, почтенный Аристипп,
И дружбу нежную, и русские Афины!
Не Вакховых пиров, не лобызаний Фрины,
В нескромной юности нескромно петых мной,
Не шумной суеты, прославленной толпой, —
Лишенье тяжко мне в краю, где финну нищую
Отчизна мёртвая едва дарует пищу.
Нет, нет! мне тягостно отсутствие друзей,
Лишенье тягостно беседы мне твоей,
То наставительной, то сладостно отрадной:
В ней, сердцем жадный чувств, умом познаний жадный,
И сердцу и уму я пищу находил.

Счастливец! дни свои ты музам посвятил
И бодро действуешь прекрасные полвека
На поле умственных усилий человека;
Искусства нежные и деятельный труд
Твой независимый украсили приют.
Податель сердца — труд, искусства — наслажденья
Ещё не породив прямого просвещенья,
Избыток породил бездейственную лень.
На мир снотворную она нагнала тень,
И чадам роскоши, обременённым скукой,
Довольство бедности тягчайшей стало мукой;
Искусства низошли на помощь к ним тогда;
Уже отвыкнувших от грубого труда
К трудам возвышенным они воспламенили
И праздность упражнять роскошно научили;
Быть может, счастьем обязаны мы им.

Как беден, кто больной бездействием своим!
Заняться бодрого цены не постигает,
За часом час другой глазами провожает,
Скучает в городе и бедствует в глуши,
Употребления не ведая души,
И плачет, сонных дней снося насилу бремя,
Что жизни краткое в них слишком длится время.
Они в углу моём не делятся для меня.
Судьбу младенчески за строгость не виня
И взяв тебя в пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать моё уединенье.
Леса угрюмые, громады мшистых гор,
Пришельца нового пугающие взор,
Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
Напев томительный протяжных песен финна —

Не долго, помню я, в печальной стороне
Печаль холодную вливали в душу мне.

Я победил её и не убит неволей,
Ещё я бытия владею лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков;
То вопрошаю я предания веков,
Паденья, славы царств читаю в них причины,
Наставлен давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбине я моей;
То занят свойствами и нравами людей,
В их своевольные вникаю побужденья,
Слежу я сердца их сокрытые движенья
И разуму отчёт стараюсь в сердце дать!
То вдохновение, Парнаса благодать,
Мне душу радует восторгами своими;
На миг обворожён, на миг обманут ими,
Дышу свободно я и, лиру взяв свою,
И дружбу, и любовь, и негу я пою.

Осмеливаясь петь, я помню преткновенья
Самолюбивого искусства песнопенья;
Но всякому своё, и мать племён людских,
Усердья полная ко благу чад своих,
Природа, каждого даря особой страстью,
Нам разные пути прокладывает к счастью:
Кто блеском почестей пленён в душе своей;
Кто создан для войны и любит стук мечей;
Любезны песни мне. Когда-то для забавы
Я, праздный, посетил Парнасские дубравы
И воды светлые Кастальского ручья;
Там к хорам чистых дев прислушивался я,
Там, очарованный, влюбился я в искусство
Другим передавать в согласных звуках чувство,
И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовью моей.

Так, скуку для себя считая бедством главным,
Я духа предаюсь порывам своенравным;
Так, без усилия ведёт меня мой ум
От чувства к шалости, к мечтам от важных дум!
Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрия полезные уроки,
Ни песни мирные, ни лёгкие мечты,
Воображения случайные цветы,
Среди глухих лесов и скал моих унылых
Не заменяют мне людей, для сердца милых,
И часто, грустию невольною объят,
Увидеть бы желал я пышный Петроград,
Вести желал бы вновь свой век непринуждённый

В кругу детей искусств и неги просвещённой,
Апелла, Фидия желал бы навещать,
С тобой желал бы я беседовать опять,
Муж, дарованьями, душою превосходный,
В стихах возвышенный и в сердце благородный!
За то не в первый раз взываю я к богам:
Свободу дайте мне — найду я счастье сам!

{1823}

64

О счастья с младенчества тоскуя,
 Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
 В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
 Не узнаю я свет;
Надежд своих лишён я прежней цели,
 А новой цели нет.

«Безумен ты и все твои желанья», —
 Мне тайный голос рек;
И лучшие мечты моей созданья
 Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
 Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
 Живёт о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
 Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то было не мечтаньем)
 Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
 Вещала. — Захочу —
И, страстного, отрадному бесстрастью
 Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
 Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
 И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
 Но ум наставлю твой;

Я оболую суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам её внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостыя неземная!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! В твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда моё светило
Во звездной вышине
Начнёт бледнеть и всё, что сердцу мило,
Забуть придётся мне,

Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».

{1823}

65

О своенравная София!
От всей души я вас люблю,
Хотя и реже, чем другие,
И неискусней вас хвалю.
На ваших ужинах весёлых,
Где любят смех и даже шум,
Где не кладут оков тяжёлых
Ни на уменье, ни на ум;
Где, для холопа иль невежды
Не притворяясь, часто мы
Браним указы и псалмы,
Я основал свои надежды
И счастье нынешней зимы.
Ни в чём не следуя пристрастью,
Даёте цену вы всему:
Рассудку, шалости, уму,

И удовольствию, и счастью;
Свет пренебрегши в добрый час
И утеснительную моду,
Всему и всем забавить вас
Вы дали полную свободу;
И потому далёко прочь
От вас бежит причудниц мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зевающая скука.
Иной порою, знаю сам,
Я вас браню по пустякам, —
Простите мне мои укоры:
Не ум один дивится вам,
Опасны сердцу ваши взоры...
Они лукавы, я слышал,
И, всё предвидя осторожно,
От власти их, когда возможно,
Спасти рассудок я желал.
Я в нём теперь едва ли волен,
И часто, пасмурный душой,
За то я вами недоволен,
Что недоволен сам собой.

{1823}

66. ЛУТКОВСКОМУ

Влюбился я, полковник мой,
В твои военные рассказы:
Проказы жизни боевой —
Никак, весёлые проказы!
Не презрю я в душе моей
Судьбою мирного лентяя;
Но мне война ещё милей,
И я люблю, тебе внимая,
Жужжанье пуль и звук мечей.
Как сердце жаждет бранной славы,
Как дух кипит, когда порой
Мне хвалит ратные забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный вид! В веселье диком
Вы мчитесь грозно... дым и гром!
Бегущий враг покрыт стыдом,
И страшный бой с победным кликом
Вы запиваете вином!
А епендорфские трофеи?
Проказник, счастливый вполне,
С весёлым сыном Цитереи

Ты дружно жил и на войне!
Стоят враги толпою жадной
Кругом окопов городских;
Ты, воин мой, защитник их;
С тобой семьёю безотрадной
Толпа красавиц молодых.
Ты сна не знаешь; чуть проглянул
День лучезарный сквозь туман,
Уж рыцарь мой на вражий стан
С дружиной быстрою нагрянул:
Врагам иль смерть, иль строгий плен!
Меж тем красавицы молодые
Пришли толпой с высоких стен
Глядеть на игры боевые;
Сраженья вид ужасен им,
Дивятся подвигам твоим,
Шлют к небу тёплые молитвы:
Да возвратится невредим
Любезный воин с лютой битвы!
О! кто бы жадно не купил
Молитвы сей покоем, кровью!
Но ты не раз увенчан был
И бранной славой, и любовью.
Когда ж певцу дозволит рок
Узнать, как ты, веселье боя
И заслужить хотя листок
Из лавров милого героя?

{1823}

67

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их свыше сил.

Я не пленён красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлёкся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь,
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я, но и грусть минует, знаменуя
Судбины полную победу надо мной.
Кто знает? Мнением сольюсь я с толпой;
Подругу без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим сном,
И назову её моею;
И весть к тебе придёт, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,

Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даём поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

{1823}, {1832}

68. Г<НЕДИ>ЧУ

Враг суетных утех и враг утех позорных,
Не уважаешь ты безделок стихотворных;
Не угодит тебе сладчайший из певцов
Развратной прелестью изнеженных стихов:
Возвышенную цель поэт избрать обязан.

К блестящим шалостям, как прежде, не привязан,
Я правилам твоим последовать бы мог,
Но ты ли мне велишь оставить мирный слог
И, едкой желчию напитывая строки,
Сатирую восстать на глупость и пороки?
Миролюбивый нрав дала судьбина мне,
И счастья моего искал я в тишине;

Зачем я удалюсь от столь разумной цели?
И, звуки лёгкие затейливой свирели
В неугомонный лай неловко превратя,
Зачем себе врагов наделаю шутя?
Страшусь их множества и злобы их опасной.

Полезен обществу сатирик беспристрастный;
Дыша любовью к согражданам своим,
На их дурачества он жалуется им:
То, укоризнами восстав на злодеянье,
Его приводит он в благое содроганье,
То едкой силою забавного словца
Смиряет попыхи надутого глупца;
Он нравов опекун и вместе правды воин.
Всё так; но кто владеть пером его достоин?
Острот затейливых, насмешек едких дар,
Язвительных стихов какой-то злобный жар
И их старательно подобранные звуки —
За беспристрастие забавные поруки!
Но если полную свободу мне дадут,
Того ль я утрашу, кому не страшен суд,
Кто в сердце должного укора не находит,
Кого и божий гнев в заботу не приводит,
Кого не оскорбит язвительный язык!
Он совесть усыпил, к позору он привык.

Но слушай: человек, всегда корысти жадный,
Берётся ли за труд, наверно безнаградный?
Купец расчётливый из добрых барышей
Вверяет корабли случайности морей;
Из платы, отогнав сладчайшую дремоту,
Подёнщик до зари выходит на работу;
На славу громкую надеждою согрет,
В трудах возвышенных возвышенный поэт.
Но рвенью моему что будет воздаянье:
Не слава ль громкая? Я беден дарованьем.
Стараясь в некий ум соотчицей привести,
Я благодарность их мечтал бы приобрести,
Но, право, смысла нет во слове «благодарность»,
Хоть нам и нравится его высокопарность.
Когда сей редкий муж, вельможа-гражданин,
От века сих вельмож оставшийся один,
Но смело дух его хранивший в веке новом,
Обширный разумом и сильный, громкий словом,
Любовью к истине и к родине горя,
В советах не робел оспаривать царя;
Когда, к прекрасному влечению послушный,
Внимать ему любил монарх великодушный,
Из благодарности о нём у тех и тех
Какие толки шли? — «Кричит он громче всех,

О благе общества как будто бы хлопчет,
А, право, риторством похвастать больше хочет;
Катоном смотрит он, но тонкого льстеца
От нас не утаит под строгостью лица».
Так лучшим подвигам людское развращенье
Придумать силится дурное побужденье;
Так, исключительно посредственность любя,
Спешит высокое унижить до себя;
Так самых доблестей завистливо трепещет
И, чтоб не верить им, на оные клеветает!
.....
.....
Нет, нет! разумный муж идёт путем иным
И, снисходительный к дурачествам людским,
Не выставляет их, но сносит благонравно;
Он не пытается, уверенный забавно
Во всемогуществе болтанья своего,
Им в людях изменить людское естество.
Из нас, я думаю, не скажет ни единый
Осине: дубом будь, иль дубу — будь осиною;
Меж тем как странны мы! Меж тем любой из нас
Переиначить свет задумывал не раз.

1823, {1826}

69

Мы пьем в любви отраву сладкую,
Но всё отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви, огонь живительный, —
Все говорят, — но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов златых цветущей младости
Тебе открыл бы душу вновь.

{1824}

70. АВРОРЕ Ш<ЕРНВАЛЬ>

Выдь, дохни нам упоением,
Сименница зари;
Всех румяным появлением
Оживи и озари!

Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит с тихой тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

{1824}

71

Я безрассуден — и не диво!
Но рассудителен ли ты,
Всегда преследуя ревниво
Мои любимые мечты?
«Не для неё прямое чувство:
Одно коварное искусство
Я вижу в Делии твоей;
Не верь прелестнице лукавой!
Самолюбивую забавой
Твои восторги служат ей».
Не обнаружу я досады,
И проницательность твоя
Хвалы достойна, верю я,
Но не находит в ней отрады
Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голос нежный
Шалуньи ласковой моей,
Речей открытых склад небрежный,
Огонь ланит, огонь очей;
Я вспоминаю день разлуки,
Последний долгий разговор
И, полный неги, полный муки,
На мне покоившийся взор;
Я перечитываю строки,
Где, увлечения полна,
В любви счастливые уроки
Мне самому даёт она,
И говорю в тоске глубокой:
«Ужель обманут я жестокой?
Или всё, всё в безумном сне
Безумно чудилось мне?»

О, страшно мне разуверенье,
И об одном мольба моя:
Да вечным будет заблужденье,
Да век безумцем буду я...»

Когда же с верою напрасной
Взываю я к судьбе глухой
И вскоре опыт роковой
Очам доставит свет ужасный,
Пойду я странником тогда
На край земли, туда, туда,
Где вечный холод обитает,
Где поневоле стынет кровь,
Где, может быть, сама любовь
В озяблом сердце потухает...
Иль нет: подумавши путём,
Останусь я в углу своём,
Скажу, вздохнув: «Горюн неловкой!
Грусть простодушная смешна;
Не лучше ль плутом быть с плутовкой,
Шутить любовью, как она?
Я об обманщице тоскую.
Как здоровым смыслом я убог!
Ужель обманщицу другую
Мне не пошлёт в отраду Бог?»

{1824}

72

В глуши лесов счастлив один,
Другой страдает на престоле;
На высоте земных судьбин
И в незаметной, низкой доле
Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.

Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно;
Уделом нашим решено,
Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучший дал совет —
Иль Эпикур, иль Эпиктет?

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашёл отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.

Хвала вам, боги! Предо мной
Вы оправдались отныне!
Готов я с бодрою душой
На всё угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

{1824}

73. ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрёг святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп жёлтый, пыльный!

Ещё носил волос остатки он;
Я зрел на нём ход постепенный тленья.
Ужасный вид! Как сильно поражён
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший,

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное создание,
О человек! Уверься наконец:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит:

Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

{1824}, {1826}

74

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жён других...
Так! но когда их слух предубеждённый
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умилённой,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживлённой,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету,
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим, объемя жадной дланью
Их стройный стан, — так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!
Но к ним ли я любовь пылал?
Нет, милая! когда в уединенье
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моём воображенье,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости молодой,
Из-за угла пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты всё ещё обид своих полна...
Прости ж навек! Но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

{1824}, {1826}

75. БОГДАНОВИЧУ

В садах Элизия, у вод счастливой Леты,
Где благоденствуют отжившие поэты,
О Душенькин поэт, прими мои стихи!
Никак в писатели попал я за грехи
И, надоев живым посланьями своими,
Несчастливым мертвецам скучать решаюсь ими.
Нет нужды до того! Хочу в досужный час
С тобой поговорить про русский наш Парнас,
С тобой, поэт живой, затейливый и нежный,
Всегда пленительный, хоть несколько небрежный,
Чертам заметнейшим лукавой остроты
Дающий милый вид сердечной простоты
И часто, наготу рисуя нам бесчинно,
Почти бесстыдным быть умеющий невинно.

Не хладной шалостью, но сердцем внушена,
Весёлость ясная в стихах твоих видна;
Мечты игривые тобою были петы.
В печаль влюбились мы. Новейшие поэты
Не улыбаются в творениях своих,
И на лице земли всё как-то не по них.
Ну что ж? Поклон, да вон! Увы, не в этом дело:
Ни жить им, ни писать ещё не надоело,
И правду без затей сказать тебе пора:
Пристала к музам их немецких муз хандра.
Жуковский виноват: он первый между нами
Вошёл в содружество с германскими певцами
И стал передавать, забывши божий страх,
Жизнехуленья их в пленительных стихах.
Прости ему господь! Но что же! все мараки
Ударились потом в задумчивые враки,
У всех унынием оделось чело,
Душа увянула и сердце отцвело.
«Как терпит публика безумие такое?» —
Ты спросишь? Публике наскучило простое,
Мудреное теперь любезно для неё:
У века дряхлого испортилось чутьё.

Ты в лучшем веке жил. Не столько просвещённый,
Являл он бодрый ум и вкус неразвращённый,
Венцы свои дарил, без вычур толковит,
Он только истинным любимцам Аонид.
Но нет явления без творческой причины:
Сей благодатный век был век Екатерины!
Она любила муз, и ты ли позабыл,
Кто «Душеньку» твою всех прежде оценил?
Я думаю, в садах, где свет бессмертья блещет,

Поныне тень твоя от радости трепещет,
Вспоминая день, сей день, когда певца,
Ещё за милый труд не ждавшего венца,
Она, друзья её достойно наградили
И, скромного, его так лестно изумили,
Страницы «Душеньки» читая наизусть.
Сердца завистников стеснила злая грусть,
И на другой же день расспросы о поэте
И похвалы ему жужжали в модном свете.

Кто вкуса божеством служил теперь бы нам?
Кто в наши времена, и прозе и стихам
Провозглашая суд разборчивый и правый,
Заведовать бы мог парнасскою управой?
О, добрый наш народ имеет для того
Особенных судей, которые его
В листах условленных и в цену приведенных
Снабжают мнением о книгах современных!
Дарует между нас и славу и позор
Торговой логики смыслённый приговор.
О наших судиях не смею молвить слова,
Но слушай, как честят они один другого:
Товарищ каждого — глупец, невежда, враль;
Поверить надо им, хотя поверить жаль.

Как быть писателю? В пустыне благодатной,
Забывши модный свет, забывши свет печатный,
Как ты, философ мой, таиться без греха,
Избрать в советники kota и петуха
И, в тишине трудясь для собственного чувства,
В искусстве находить возмездие искусства!

Так, веку вопреки, в сей самый век у нас
Сладко поющих лир порою слышен глас,
Благоуханный дым от жертвы бескорыстной!
Так нежный Батюшков, Жуковский живописный,
Неподражаемый, и целую орду
Злых подражателей родивший на беду,
Так Пушкин молодой, сей ветреник блестящий,
Всё под пером своим шутя животворящий
(Тебе, я думаю, знаком довольно он:
Недавно от него товарищ твой Назон
Посланье получил), любимцы вдохновенья,
Не могут поделить сердечного влеченья
И между нас поют, как некогда Орфей
Между мохнатых пел, по вере старых дней.
Бессмертие в веках им будет воздаяньем!

А я, владеющий убогим дарованьем,
Но рвением горя полезным быть и им.

Я правды красоту даю стихам моим,
Желаю доказать людских сует ничтожность
И холодной мудрости высокую возможность.
Что мыслю, то пишу. Когда-то веселей
Я славил на заре своих цветущих дней
Законы сладкие любви и наслажденья.
Другие времена, другие вдохновенья;
Теперь важней мой ум, зрелее мысль моя.
Опять, когда умру, повеселею я;
Тогда беспечных муз беспечного питомца
Прими, философ мой, как старого знакомца.

Между январем и июнем 1824

76

Мне с упоением заметным
Глаза поднять на вас беда:
Вы их встречаете всегда
С лицом сердитым, неприветным.
Я полон страстною тоской,
Но нет! рассудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Ответа требовать не буду.
Не терпит бог молодых проказ
Ланит увядших, впалых глаз.
Надежды были бы напрасны,
И к вам не ими я влеком.
Любуюсь вами, как цветком,
И счастлив тем, что вы прекрасны.
Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Ещё способным к упоенью.
Меж мудрецами был чужак:
«Я мыслю, — пишет он, — итак,
Я, несомненно, существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь, — я пойму
Скорее истину такую.
Огнём, похищенным с небес,
Япетов сын (гласит преданье)
Одушевил своё созданье,
И наказал его Зевес
Неумолимый, Прометея
К скалам Кавказа приковал,
И сердце вран ему клевал;
Но, дерзость жертвы разумея,
Кто приговор не осуждал?

В огне волшебных ваших взоров
Я занял сердца бытие:
Ваш гнев достойнее укоров,
Чем преступление мое,
Но не сержусь я, шутка водит
Моим догадливым пером.
Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.
Душою праздный с давних пор,
Ещё твержу любовный вздор,
Ещё беру прельщенья меры,
Как по привычке прежних дней
Он ароматы жжёт без веры
Богам, чужим душе своей.

Между январем и июнем 1824

77

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет её
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлёт ответный взор
И нежностью горит.

С неё в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы её
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлёт ответный взор,
И нежностью горит.

Июль — начало августа 1824

78. НЕВЕСТЕ

А. Я. Васильевой

Не раз Гимена клеветали:
Его бездушным торговцем,
Брюзгой, ленивцем и глупцом
Попеременно называли.
Как свет его ни назови,
У вас он будет, без сомненья,
Достойным сыном уваженья
И братом пламенной любви!

1824 Роченсальм

79

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревёт, и чёрные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пеняся, в прибрежные скалы.

Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмудив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геенны властелин,
Что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:

Он небо заслони́л огромными крылами
И двигает реву́щими водами,
Бунтующим могуществом своим.
Когда придёт желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай: красой далеких стран
Не очаровано моё воображенье.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре молодого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!

Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев

1824

80. ЛЕДА

В стране роскошной, благодатной,
Где Евротейский древний ток
Среди долины ароматной
Катится светел и широк,
Вдоль берега Леда молодая,
Ещё не мысля, но мечтая,
Стопами тихими брела.
Уж близок полдень; небо знойно;
Кругом всё пусто, всё спокойно;
Река прохладна и светла;
Берега стрегут кусты густые...
Покровы пали на цветы,
И Леды прелести нагие
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользит по ним она;
Роскошно пенясь, перси полны
Лобзает жадная волна.

Но зашумел тростник прибрежный,
И лебедь стройный, белоснежный
Из-за него явился ей.
Сначала он, чуть зримый оком,
Блуждает в оплыве широком
Кругом возлюбленной своей,
В пучине часто исчезает,
Но, сокрываясь от глаз,
Из вод глубоких выплывает
Всё ближе к милой каждый раз.
И вот плывёт он рядом с нею.
Ей смелость лебеда мила,
Рукою нежною своею
Его осанистую шею
Младая дева обняла;
Он жметя к деве, он украдкой
Ей перси нежные клюёт;
Он в песне радостной и сладкой
Как бы красы её поёт,
Как бы поёт живую негу!
Меж тем влечёт её ко берегу.
Выходит на берег она;
Устав, в тени густого древа
На мураву ложится дева,
На длань главою склонена.
Меж тем не дремлет лебедь страстный;
Он на коленях у прекрасной
Нашёл убежище своё;
Он сладкозвучно воздыхает,
Он важным клёвом вопрошает
Уста невинные её...
В изнемогающую деву
Огонь желания проник:
Уста раскрылись; томно клеву
Уже отвечает язык;
Уж на глаза с живым томленьем
Набросив пышные волосы,
Она нечаянным движеньем
Раскрыла все свои красы...
Приют свой прежний покидает
Тогда нескромный лебедь мой;
Он томно шею обвивает
Вкруг шеи девы молодой:
Его напрасно отклоняет
Она дрожащею рукой:
Он завладел —
Затрепетал крылами он, —
И вырывается у Леды
И детства крик, и неги стон.

81

Мила, как грация, скромна,
Как Сандрильона;
Подобно ей, красой она
Достойна трона.
Приятна лира ей моя;
Но что мне в этом?
Быть королём желал бы я,
А не поэтом.

1824

82. ЭПИГРАММА

Свои стишки Тощёв-пиит
Покроем Пушкина кроит,
Но славы громкой не получит,
И я котёнка вижу в нём,
Который, право, не путём
На голос лебедя мяучит.

1824?

83

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего ещё душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь!

Конец 1824 — начало 1825

84

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

1824 или 1825

85

Когда взойдёт денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит всё существованья сладость, —
С душой твоей
Что в пору ту, скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьёшь их томных взоров сладость, —
С душой твоей
Что в пору ту, скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдёт заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! Что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! Знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! Его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! Что прежде было в радость,
То в муку ей.

1824 или 1825

86

Идиллик новый на искус
Представлен был пред Аполлона,
«Как пишет он? — спросил у муз
Бог беспристрастный Геликона. —
Никак, негодный он поэт?»
— «Нельзя сказать». — «С талантом?» — «Нет:

Ошибок важных, правда, мало,
Да пишет он довольно вяло».
— «Я понял вас — в суде моём
Не озабочусь я нисколько;
Вперед ни слова мне о нём.
Из списков выключить — и только».

1824 или 1825

87

Рука с рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытия;
Но что? Поссорилися вскоре
Во всём несходные друзья!
Лишь перекрёсток улучили,
Друг другу молвили: «Прости!»,
Недолго розно побродили,
Через день сошлись — в конце пути!

{1825}

88. ЗАПРОС М<УХАНО>ВУ

Что скажет другу своему
Любовник пламенный Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Её застенчивые взоры?
Любви заботою полна,
Огнём очей, ланит пыланьем
И персей томных волнованьем
Была ль прямой зарёй она
Иль только северным сияньем?

{1825}

89

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Даёт известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоны жизни платим мы.

{1825}

90

В борьбе с тяжелою судьбой
Я только пел мои печали:
Стихи холодные дышали
Души холодною тоской.
Когда б тогда вы мне предстали,
Быть может, грустный мой удел
Вы облегчили б. Нет! едва ли!
Но я бы пламеннее пел.

{1825}

91

Она придёт! К её устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим,
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.

{1825}

92

Взгляни на лик холодный сей,
 Взгляни: в нём жизни нет;
Но как на нём былых страстей
 Ещё заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
 Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
 Храня движенья вид.

Январь ? 1825

**93. К Д<ЕЛЬВИГУ>
НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ЕГО ЖЕНИТЬБЫ**

Ты распрощался с братством шумным
Бесстыдных, бешеных, но добрых шалунов,
С бесчинством дружеским весёлых их пиров
И с нашим счастьем вольнодумным
Благовоспитанный, степенный Гименей
Пристойно заменил проказника Амура,
И ветреных подруг, и ветреных друзей,
И сластолюбца Эпикура.
Теперь для двух коварных глаз
Воздержным будешь ты, смешным и постоянным;
Спасайся, милый!.. Но подчас
Не позавидуй окаянному!

31 октября 1825

94. Д. ДАВЫДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельскою рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминанье горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

Ноябрь 1825

95. К АННЕТЕ

Когда Климена подарила
На память это мне кольцо,
Её умильное лицо,
Её улыбка говорила:
«Оно твоё; когда-нибудь
Сама и вся твоей я буду;
Лишь ты меня не позабудь,
А я тебя не позабуду!»
И через день я был забыт.
Теперь кольцо её, Аннета,
Твой вечный друг тебе дарит.
Увы, недобрая примета
Тебя, быть может, поразит!
Но неспособен я к измене, —
Носи его и не тужи,
А в оправдание Климене
Её обеты мне сдержи!

1825

96

Поверь, мой милый! твой поэт
Тебе соперник не опасный!
Он на закате юных лет,
На утренней заре ты юности прекрасной.
Живого чувства полный взгляд,
Уста цветущие, румяные ланиты
Влюблённых песенок сильнее говорят
С душой догадливой Хариты.
Когда с тобой наедине
Порой красавица стихи мои похвалит,
Тебя напрасно печалит
Её внимание ко мне:
Она торопит пробужденье
Младого сердца твоего
И вынуждает у него
Свидетельство любви, ревнивое мученье.
Что доброго в моей судьбе
И что я приобрел, красавиц воспевая?
Одно: моим стихом Харита молодая,
Быть может, выразит любовь свою к тебе!
Счастливым баловень Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его верней
И за притворные обиды
Лишь плату требовать умеи!

А мне, мне предоставь таить огонь бесплодный,
Рождённый иногда возреньею красоты,
Умом оспаривать сердечные мечты
И чувство прикрывать улыбкою холодной.

1825

97. ЭПИГРАММА

«Что ни болтай, а я великий муж!
Был воином, носил недаром шпагу;
Как секретарь, судебную бумагу
Вам начерню, перебелю; к тому ж,
Я знаю свет, — держусь Христа и беса,
С ханжой ханжа, с повесою повеса;
В одном лице могу все лица я
Представить вам!» — «Хотя под старость века,
Фаддей, мой друг, Фаддей, душа моя,
Представь лицо честного человека».

{1826}

98

Тебе я младость шаловливу,
О сын Венеры! посвятил;
Меня ты плохо наградил —
Дал мало сердцу на разживу!
Подобно мне любил ли кто?
И что ж я вспомню, не тоскую?
Два, три, четыре поцелуя!..
Быть так; спасибо и за то.

{1826}

99

Ты ропщешь, важный журналист,
На наше модное маранье:
«Всё та же песня: ветра свист,
Листов древесных увяданье...»
Понятно нам твоё страданье:
И без того освистан ты,
И так, подвалов достоянье,
Родясь, гниют твои листы.

{1826}

100. ЭПИГРАММА

И ты поэт, и он поэт;
Но меж тобой и им различие находят:
Твои стихи в печать выходят,
Его стихи — выходят в свет.

{1826}

101

Когда, печалью вдохновенный,
Певец печаль свою поёт,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдёт?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнёт осмеивать её?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытьё!
Не напряжённого мечтанья
Огнём услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душесутильный поэт.
В борьбе с тяжёлою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружён
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заёмною мечта
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращённой,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребёнком на руках.

{1826}

102

Не трогайте парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам не много в нём добра,
И им Амур другие дал игрушки.

Любовь ли вам оставить в забытьи
Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их летейские струи —
На пальчиках чернила остаются.

Январь 1826

103

Есть грот: наяда там в полдневные часы
Дремоте предаёт усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую, под говор ключевой,
Склоняясь челом, венчанным осокой.

Конец, 1826

104. ОНА

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечёт очарованье
К её ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредёшь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

{1827}

105

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,
Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене
Её тафтяные цветы,

Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк, —
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок.

Когда по рёбрам крепко стиснут
Пегас удалым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим пером.

{1827}

106

Окогчѣнная летунья,
Эпиграмма-хохотунья,
Эпиграмма-егоза
Трѣтся, вѣтся средь народа
И завидит лишь уroda —
Разом вцепится в глаза.

{1827}

107

Перелетай к веселью от веселья,
Как от цветка бежит к цветку дитя;
Не успевай, за суетой безделья,
Задуматься, подумать и шутя.
Пускай тебя к Кориннам не причислят,
Играй, мой друг, играй и верь мне в том,
Что многие о милой Лизе мыслят,
Когда она не мыслит ни о чём.

{1827}

108

Как сладить с глупостью глупца?
Ему впопад не скажешь слова;
Другого проще он с лица,
Но мудрёней в житье другого.

Он всем превратно поражён,
И всё навыворот он видит;
И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит.

{1827}

109

Когда б избрать возможно было мне
Любой удел, любое счастье в мире,
Я б не хотел быть славным на войне,
Я б не хотел играть на громкой лире,
Я злата бы себе не пожелал;
Но блага все единым именуя,
То дайте мне, богам бы я сказал,
Чем Д..... понравиться могу я.

{1827}

110. ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье:
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он.
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылись грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сражённный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщённый дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? Что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всеильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаяся их грубого влеченья,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей и хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих,
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное бляенье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синея, вился
И жертвою очистительной дымился.

{1827}

111

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; но сны молодые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришёл я не один.

Привёл под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

Весна 1827

112. СМЕРТЬ

Смерть дочерью тьмы не назову я
И, раболепною мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу её косою.

О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твоё хранение всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия
И в нём прохладным дуновеньем
Смирняя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на берега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.

Даёшь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

{1828}

113. ИЗ А. ШЕНЬЕ

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо моё утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую её, покой её люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музыки —
Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.

{1828}

114

Люблю деревню я и лето:
И говор вод, и тень дубров,
И благовоние цветов;
Какой душе не мило это?
Быть так, прощаю комаров!
Но признаюсь — пустыни житель,
Покой пустынный в ней любя,
Комар двуногий, гость-мучитель,
Нет, не прощаю я тебя!

{1828}

115. СТАРИК

Венчали розы, розы Леля,
Мой первый век, мой век младой:
Я был счастливый пустомеля
И девам нравился порой.
Я помню ласки их живые,
Лобзанья, полные огня...
Но пролетели дни молодые,
Они не смотрят на меня!
Как быть? У яркого камина,
В укромной хижине моей,
Накрою стол, поставлю вина
И соберу моих друзей.
Пускай венок, сплетённый Лелем,
Не обновится никогда:
Года, увенчанные хмелем,
Ещё прекрасные года.

{1828}

116

Как ревностно ты сам себя дурачишь!
На хлопоты вставая до звезды,
Какой-нибудь да пакостью обозначишь
Ты каждый день без цели, без нужды!
Ты сам себя, и прост и подел вкупе,
Эпитимьёй затейливой казнишь:
Заботливо толчешь ты уголь в ступе
И только что лицо своё пылишь.

{1828}

117

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмострят очи зорки?
Что наконец поймёт надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? Точный смысл народной поговорки.

{1828}

118

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах. Как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И, как нашёл я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

{1828}

119

Глупцы не чужды вдохновенья;
Им также пылки мгновенья
Оно, как гениям, дарит:
Слетая с неба, все растенья
Равно весна животворит.
Что ж это сходство знаменует?
Что им глупец приобретёт?
Его капустою раздует,
А лавром он не расцветёт.

{1828}

120

Не подражай: Своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!

Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Встань, встань и вспомни: сам ты бог!

{1828}

121

Слышал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали,
Бывало, беса призывали;
Им подражаю в этом я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;
Узнайте: ласковый бесёнок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасёнок.
С тех пор я вышел из пелёнок,
Между мужчинами возмужал,
Но для него ещё ребёнок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнётся мне в моей конурке —
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведёт,
Живой водой веселье вспышет,
А горе мертвою зальёт.
Когда в задумчивом совете
С самим собой из-за угла
Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущён;
Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он;
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолёт
Он подо мною развернёт,
И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несёт.

Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я от твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Октябрь 1828

122

Нет, обманула вас молва:
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

1828?

**123. ПРИ ПОСЫЛКЕ «БАЛА»
С. Э<НГЕЛЬГАРТ>**

Тебе ль, невинной и спокойной,
Я приношу в нескромный дар
Рассказ, где страсти недостойной
Изображён преступный жар?

И безобразный и мятежный,
Он не пленит твоей мечты;
Но что? на память дружбы нежной
Его, быть может, примешь ты.

Жилец семейственного круга,
Так в дар приемлет домосед
От путешественника-друга
Пустыни дальней дикий цвет.

Конец 1828 — начало 1829

124

Хвала, маститый наш Зоил!
Когда-то Дмитриев бесил
Тебя счастливыми стихами,
Бесил Жуковский вслед за ним,
Вот Пушкин бесит. Как любим,
Как отличён ты небесами!
Три поколения певцов

Тебя красой своих венцов
В негодование приводили.
Пекись о здравии своём,
Чтобы, подобно первым трём,
Другие три тебя бесили.

{1829}

125

Чудный град порой сольётся
Из летучих облаков,
Но, лишь ветер его коснётся,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

{1829}

126. В АЛЬБОМ

Альбом походит на кладбище:
Для всех открытое жилище,
Он также множеством имён
Самолюбиво испещрён.
Увы! народ добросердечный
Равно туда или сюда
Несёт надежду жизни вечной
И трепет Страшного суда.
Но я, смиренно признаюсь,
Я не надеюсь, не страшусь,
Я в ваших памятных листах
Спокойно имя помещаю.
Философ я: у вас в глазах
Моё ничтожество я знаю.

{1829}

127

Сердечным нежным языком
Я искушал её сначала;
Она словам моим внимала
С тупым бессмысленным лицом.
В ней разбудить огонь желаний
Ещё надежду я хранил
И сладострастных осязаний
Язык живой употребил...

Она глядела так же тупо,
Потом разгневалась глупо.
Беги за нею, модный свет,
Пленяйся девою идеальной, —
Владею тайной я печальной:
Ни сердца в ней, ни пола нет.

{1829}

128. К<НЯГИНЕ> З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Из царства виста и зимы,
Где, под управой их двоякой,
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон —
Одушевлённый, сладострастный,
Где в кущах, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы,
Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для capitoлия Коринны;
Где жизнь игрива и легка,
Там лучше ей, чего же боле?
Зачем же тяжкая тоска
Сжимает сердце поневоле?
Когда любимая краса
Последним сном смыкает вежды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший мир ей уготован,
Что славой вечною светло
Там заблестит её чело;
Но скорбный дух не уврачёван,
Душе стеснённой тяжело,
И неутешно мы рыдаем.
Так, сердца нашего кумир,
Её печально провожаем
Мы в лучший край и лучший мир.

Февраль 1829

129. ЭПИГРАММА

Поверьте мне, Фиглярин-моралист
Нам говорит преумилённым слогом:
«Не должно красть: кто на руку нечист,
Перед людьми грешит и перед богом;
Не надобно в суде кривить душой,
Нехорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже нам всего!»
Ну что ж? Бог с ним! Всё это к правде близко,
А кажется, и ново для него.

Март — первая половина апреля 1829

130. ЭПИГРАММА

В восторженном невежестве своём
На свой аршин он славу нашу мерит;
Но позабыл, что нет клейма на нём,
Что одному задору свет не верит.
Как дружеским он вздором восхищён!
Как бешено своим доволен он!
Он хвалится горячею душою.
Голубчик мой! уверься наконец,
Что из глупцов, известных под луною,
Смешнее всех нам пламенный глупец.

1829

131

Не ослеплён я музою моею:
Красавицей её не назовут,
И юноши, узрев её, за нею
Влюблённою толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражён бывает мельком свет
Её лица необщим выраженьем,
Её речей спокойной простотой;
И он скорей, чем едким осужденьем,
Её почитит небрежной похвалой.

1829

132. К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

В небе нашем исчезает
И, красой своей горда,
На другое востекает
Переходная звезда;
Но навек ли с ней проститься?
Нет, предписан ей закон:
Рано ль, поздно ль воротиться
На старинный небосклон.
Небо наше покидая,
Ты ли, милая звезда,
Небесам другого края
Передашь навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки в желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!

1829

133

Что пользы вам от шумных ваших прений?
Кипит война; но что же? Никому
Победы нет! Сказать ли, почему?
Ни у кого ни мыслей нет, ни мнений.
Хотите ли, чтобы народный глас
Мог увенчать кого-нибудь из вас?
Чем холостой словесной перестрелкой
Морочить свет и множить пустяки,
Порадуйте нас дельною разделкой:
Благословясь, схватитесь за виски.

1829

134

Порою ласковую фею
Я вижу в обаянье сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;
Но что же? Странно и во сне
Непокупное счастье мне:
Всегда дарам своим предложит
Условье некое она,

Которым, злобно смышлена,
Их отравит иль уничтожит.
Знать, самым духом мы рабы
Земной насмешливой судьбы;
Знать, миру явному дотолы
Наш бедный ум порабощён,
Что переносит поневоле
И в мир мечты его закон!

1829?

135. ОТРЫВОК

Он

Под этой липою густою
Со мною сядь, мой милый друг;
Смотри, как живо всё вокруг!
Какой зелёной пеленою
К реке нисходит этот луг!
Какая свежая дуброва
Глядится с берега другого
В её весёлое стекло!
Как небо чисто и светло!
Всё в тишине; едва смущает
Живую сень и чуткий ток
Благоуханный ветерок;
Он сердцу счастье навевает!
Молчишь ты?

Она

О любезный мой!
Всегда я счастлива с тобой
И каждый миг равно ласкаю.

Он

Я с умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
От этих вод, лесов и гор
Я на эфирную обитель,
На небеса подъямлю взор
И думаю: велик зиждитель,
Прекрасен мир! Когда же я
Вспомню тою же порою,
Что в этом мире ты со мною,
Подруга милая моя...
Нет сладким чувствам выраженья,

И не могу в избытке их
Невольных слёз благодаренья
Остановить в глазах моих.

Она

Воздай тебе создатель вечный!
О чём ещё его молить!
Ах! об одном: не пережить
Тебя, друг милый, друг сердечный.

Он

Ты грустной мыслию меня
Смутила. Так! сегодня зренье
Пленяет свет весёлый дня,
Пленяет божие творенье;
Теперь в руке моей твою
Я с чувством пламенным сжимаю,
Твой нежный взор я понимаю,
Твой сладкий голос узнаю...
А завтра... завтра... как ужасно!
Мертвец незрящий и глухой,
Мертвец холодный!.. Луч дневной
В глаза ударит мне напрасно!
Вотще к устам моим прильнёшь
Ты воспалёнными устами,
Ко мне с обильными слезами,
С рыданьем громким воззовёшь:
Я не проснусь! И что мы знаем?
Не только завтра, сей же час
Меня не будет! Кто из нас
В земном блаженстве не смущаем
Такою думой?

Она

Что с тобой?

Зачем твое воображенье
Предупреждает провиденье?
Бог милосерд, друг милый мой!
Здоровы, молоды мы оба,
Ещё далёко нам до гроба.

Он

Но всё ж умрём мы наконец,
Все ляжем в землю.

Она

Что же, милый?
Есть бытие и за могилой,
Нам обещал его Творец.
Спокойны будем: нет сомненья,
Мы в жизнь другую перейдём,
Где нам не будет разлученья,
Где все земные опасенья
С земною пылью отряхнём.
Ах! как любить без этой веры!

Он

Так, Всемогущий без нее
Нас искушал бы выше меры;
Так, есть другое бытие!
Ужели некогда погубит
Во мне Он то, что мыслит, любит,
Чем Он создание довершил,
В чём, с горделивым наслажденьем,
Мир повторил Он отраженьем
И Сам Себя изобразил?
Ужели творческая сила
Лукавым светом бытия
Мне ужас гроба озарила,
И только?.. Нет, не верю я.
Что свет являет? Пир нестройный!
Презренный властвует; достойный
Поник гонимую главой;
Несчастлив добрый, счастлив злой.
Как! не терпящая смешенья
В слепых стихиях вещества,
На хаос нравственный возренья
Не бросит мудрость Божества?
Как! между братьями своими
Мы видим правых и благих,
И, превзойдён детьми людскими,
Не прав, не благ Создатель их?..
Нет! мы в юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Там, за могильным рубежом,
Сияет день незаходимый,
И оправдается незримый
Пред нашим сердцем и умом.

Она

Зачем в такие размышленья
Ты погружаешься душой?

Ужели нужны, милый мой,
Для убеждённых убежденья?
Премудрость высшего Творца
Не нам исследовать и мерить;
В смирение сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.
Пойдем; грустна я в самом деле,
И от мятежных слов твоих,
Я признаюсь, во мне доселе
Сердечный трепет не затих.

1829?

136

Люблю я красавицу
С очами лазурными:
О! в них не обманчиво
Душа её светится!
И если прекрасная
С любовью томною
На милом покоит их,
Он мирно блаженствует,
Вовек не смутит его
Сомненье мятежное.
И кто не доверится
Сиянию их чистому,
Эфирной их прелести,
Небесной души её
Небесному знамению?

Страшна мне, друзья мои,
Краса черноокая;
За тёмной завесою
Душа её кроется,
Любовник пылает к ней
Любовью тревожною
И взорам двусмысленным
Не смеет довериться.
Какой-то недобрый дух
Качал колыбель её;
Оделася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралось в сердце к ней
Лукавство лукавого.

{1830}

137. ЭПИГРАММА

«Он вам знаком. Скажите, кстати,
Зачем он так не терпит знати?»
— «Затем, что он не дворянин».
— «Ага! нет действий без причин.
Но почему чужая слава
Его так бесит?» — «Потому,
Что славы хочется ему,
А на неё Бог не дал права,
Что не хвалил его никто,
Что плоский автор он». — «Вот что!»

Между 16 и 31 мая 1830

138. ЭПИГРАММА

Писачка в Фебов двор явился.
«Довольно глуп он! — Бог шепнул. —
Но самоучкой он учился, —
Пускай присядет, дайте стул».
И сел он чванно. Нектар носят,
Его, как прочих, кушать просят;
И нахлебался тотчас он,
И загорланил. Но раздался
Тут Фебов голос: «Как! зазнался?
Эй, Надоумко, выведь вон!»

Май — начало июня 1830

139

Хотя ты малый молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:
Ты слова лишнего не скажешь
В беседе самой распашной;
Приязни глупой с первым встречным
Ты сгоряча не заведёшь,
К ногам вертушки не падёшь
Ты пастушком простосердечным;
Воздержным голосом твоим
Никто крикливо не хвалим,
Никто сердито не осужен.
Всем этим хвастать не спеши:
Не редкий ум на это нужен,
Довольно дюжинной души.

Июнь — июль 1830

140

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменя.
Игра стихов, игра золотая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежили меня!
Но всё проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов —
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

Август — сентябрь 1831

141

Не славь, обманутый Орфей,
Мне Элизийские селенья:
Элизий в памяти моей
И не кропим водой забвенья.
В нём мир цветущей старины
Умерших тени населяют,
Привычки жизни сохраняют
И чувств её не лишены.
Там жив ты, Дельвиг! Там за чашей
Ещё со мною шутишь ты,
Поёшь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты.

Октябрь? 1831

142

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал,
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твоё согласие захотел.

Осень 1831

143

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет,
Всё цепенеет;
Лишь ветер злой,
Бушуя, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно даёт.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Её согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,

Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

Между октябрем и декабрем 1831

144. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!
По воле случая слепого
Я познакомился с тобой
В те осмотрительные лета,
Когда смиренная диета
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опыт света
Меня наставил кой-чему,
Когда от бурных увлечений
Желанным отдыхом дыша,
Для благочинных размышлений
Созрела томная душа;
Но я люблю восторг удалый,
Разгульный жар твоих стихов.
Дай руку мне: ты славный малый,
Ты в цвете жизни, ты здоров;
И неумеренную радость,
Счастливец, славить ты в правах;
Звучит лирическая младость
В твоих лирических грехах.
Не буду строгим моралистом
Или бездушным журналистом;
Приходит всё своим чредом:

Послушный голосу природы,
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером;
Другого счастья поэтом
Ты позже будешь, милый мой,
И сам искупишь перед светом
Проказы музы молодой.

Первая половина ноября 1831

145. ЯЗЫКОВУ

Бывало, свет позабывая
С тобою, счастливым певцом,
Твоя Камена молодая
Венчалась гроздем и плющом
И песни ветреные пела,
И к ней, безумна и слепа,
То, увлекаясь, пламенела
Любовью грубою толпа,
То, на свободные напевы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятным божеством.
Во взорах пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щеках,
Был жар хмельной в её глазах
Или румянец вождельенья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд менады надевает;
Яви ж, яви её скорей,
Певец, в достойном блеске миру:
Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;
Державный сан её открой,
Да изумит своей красой,
Да величавый взор смущает
Её злословного судью,
Да в ней хулитель твой познает
Мою царицу и свою.

Конец 1831

146

Мой неискусный карандаш
Набросил вид суровый ваш,
Скалы Финляндии печальной;
Средь них, средь этих голых скал,
Я; дни весны моей опальной
Влача, душой изнемогал.
В отчизне я. Перед собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнания оживил
И, их рассеянно рисуя,
Теперь с улыбкою шепчу я:
Вот где унылый я бродил,
Где, на судьбину негодуя.
Я веру в счастье отложил.

1831

147

«Дитя моё, — она сказала, —
Возьмёшь иль нет моё кольцо? —
И головою покачала,
С участием глядя ей в лицо. —

Знай, друга даст тебе, девица,
Кольцо счастливое мое,
Ты будешь дум его царица,
Его второе бытие.

Но договор судьбы ревнивой
С прекрасным даром сопряжён,
И красоте самолюбивой
Тяжёл, я знаю, будет он.

Свет, к ней суровый, не приметит
Её приветливых очей,
Её улыбку хладно встретит
И не поймет её речей.

Вотще ей разум дарованья.
И чувств и мыслей прямота:
Их свет оставит без вниманья,
Обезобразит клевета.

И долго, долго сиротою
Она по сборищам людским
Пойдёт с поникшей головою,
Одна с унынием своим.

Но девы нежной не обманет
Моё счастливое кольцо:
Ей судия её предстанет,
И процветет её лицо».

Внимала дева молодая,
Невинным взором весела,
И, тайный жребий свой решая,
Кольцо с улыбкою взяла.

Иди ж с надеждою весёлой!
Творец тебя благослови
На подвиг долгий и тяжёлый
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
В твои ненастливые дни,
Когда нужна тебе опора,
Мне, друг мой, руку протяни.

{1832}

148

К чему невольнику мечтания свободы?
Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных берегах, по склону их русла;
Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путём неведомая сила
Влечёт. Бродячий ветер не волен, и закон
Его летучему дыханью положён.
Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем;
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желания со жребием своим —
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля
Дарует страсти нам? и не её ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втеснённая судьбою.

{1832}

149

Наслаждайтесь: всё проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своенравно рок приводит
Нас к утехам и к бедам.
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красоты,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: всё проходит
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

{1832}

150

Храни своё неопасенье,
Свою неопытность лелей;
Перед тобою много дней:
Ещё уловишь размышленье.
Как в Смольном цветнике своём,
И в свете сердцу будь послушной,
И монастыркой благодушной
Останься долго, долго в нём.
Пусть, для тебя преображаем
Игрой младенческой мечты,
Он век не рознит с тихим раем,
В котором расцвела ты.

{1832}

151

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,

Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробуждённым вдохновеньем
Природу снова обниму?

Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, её светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла
И, лёгкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

{1832}

152

Я не любил её, я знал,
Что не она поймёт поэта,
Что на язык души душа в ней без ответа;
Чего ж, безумец, в ней искал?
Зачем стихи мои звучали
Её восторженной хвалой
И малодушно возвещали
Её владычество и плен постыдный мой?
Зачем вверял я с умиленьем
Ей все мечты души моей?..
Туман упал с моих очей,
Её бегу я с отвращеньем!
Так, омрачённые вином,
Мы недостойному порою
Жмём руку дружеской рукою,
Приветствуем его с ослабленным лицом,
Красноречиво изливаем
Все думы сердца перед ним,
Ошибки тёмное создание храним,
Но блажь досадную напрасно укрощаем
Умом взволнованным своим.
Очнувшись, странному забвению дивимся,
И незаконного наперсника стыдимся,
И от противного лица его бежим.

{1832}

153

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжёлое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

{1832}

154

О мысль! Тебе удел цветка:
Он свежий манит мотылька,
Прельщает пчёлку золотую,
К нему с любовью мошка льнёт
И стрекоза его поёт;
Утратил прелесть молодую
И чередой своей поблёт —
Где пчёлка, мошка, мотылёк?
Забит он роем их летучим,
И никому в нём нужды нет;
А тут зерном своим падучим
Он зарождает новый цвет.

{1832}

155

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне.
Скажу ль? Мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

{1832}

156

Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей,
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
 И вежды старые сомкнуть
 Последним, вечным сном желаем.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Я помню ясный, чистый пруд:
Под сению берёз ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут,
Светлея нивами меж рощ своих волнистых;
За ним встаёт гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
 Ответ на всё, что в нём горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело
 И счастье вновь уразумело.
Зачем же томный вздох и слёзы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.
Почий, почий легко под дёрном гробовым:
 Воспоминанием живым
 Не разлучимся мы с тобою!
Мы плачем... но прости! Печаль любви сладка,
 Отрадны слёзы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
 Сухая скорбь разуверенья.

{1832}

157. К. А. ТИМАШЁВОЙ

Вам всё дано с щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владеете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой.
Что ж грусть поёт блестящая певица?
Что ж томны взоры красоты?
Печаль, печаль — души её царица,
Владычица её мечты.
Вам счастья нет, иль, на одно мгновенье
Блеснувши, луч его погас;
Но счастлив тот, кто слышит ваше пенье,
Но счастлив тот, кто видит вас.

{1832}

158

Своенравное прозвание
Дал я милой в ласку ей:
Безотчётное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нём свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит.
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой,
Здесьних чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,
Им к тебе воскликну я,
И душе моей навстречу
Полетит душа твоя.

{1832}

159. ЭПИГРАММА

Кто неприменный мой ругатель?
Необходимый мой предатель?
Завистник неприменный мой?
Тут думать нечего: родной!
Нам чаще друга враг полезен, —
Подлунный мир устроен так;
О, как же дорог, как любезен
Самой природой данный враг!

Начало 1832

160. МАДОНА

Близ Пизы, в Италии, в поле пустом
(Не зрелось жилья на полмили кругом),

Меж древних развалин стояла лачужка;
С молоденькой дочкой жила в ней старушка.

С рассвета до ночи за тяжким трудом,
А всё-таки голод им часто знаком.

И дочка порою душой унывала;
Терпеньем скудея, на Бога роптала.

«Не плачь, не крушися ты, солнце моё! —
Тогда утешала старушка её. —

Не плачь, переменится доля крутая:
Придёт к нам на помощь Мадона святая.

Да лик её веру в тебе укрепит:
Смотри, как приветно с холста он глядит!»

Старушка смиренная с речью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,

И с тёплого верою в сердце простом,
Она с умиленным и кротким лицом

На живопись тёмную взор подымала,
Что угол в лачужке без рам занимала.

Но больше и больше нужда их теснит,
Дочь плачет, старушка своё говорит.

С утра по руинам бродил любопытный:
Забылся, красе их дивясь, ненасытный.

Кров нужен ему от полдневных лучей:
Стучится к старушке и входит он к ней.

На лавку садился пришлец утомлённый,
Но вспрянул, картиною вдруг поражённый.

«Божественный образ! чья кисть это, чья?
О, как не узнать мне! Корреджий, твоя!

И в хижине этой творенье таится,
Которым и царский дворец возгордится!

Старушка, продай мне картину свою,
Тебе за неё я сто пиастров даю».

«Синьор, я бедна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую».

«Я двести даю, согласися продать». —
«Синьор, синьор! бедность грешно искушать».

Упрямота не мог победить он в старушке:
Осталась картина в убогой лачужке.

Но вскоре потом по Италии всей
Летучая весть разнеслася о ней.

К старушке моей гость за гостем стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За вход она малую плату берёт
И с дочкой своею безбедно живёт.

Прекрасно и чудно, о вера живая!
Тебя оправдала Мадона святая.

Начало 1832

161

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! Как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! Блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё деревья обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьём она — ручей
И с птичкой — птичка! С ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нём
Забвенные мысли пьёт,
Кого далеко от неё
Он, дивный, унесёт!

Весна 1832

162. НА СМЕРТЬ ГЁТЕ

Предстала, и старец великий смежил
 Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
 В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалея,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
 Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
 Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашёл он предел.

Всё дух в нём питало: труды мудрецов,
 Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
 Цветущих времён упованья.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
 Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
 И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведан, испытан им весь человек!
 И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
 И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждёт ничего:
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
 Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
 Всё дольное долу отдавший,
К предвечному лёгкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

Апрель — май 1832

163. А. А. Ф <УКСОВОЙ>

Вы дочь Евы, как другая,
Как перед зеркалом своим
Власы роскошные вседневно убирая,
Их блеском шёлковым любуясь перед ним,
Любуясь ясными очами,
Обворожительным лицом
Блестящей грации, пред вами
Живописуемой услужливым стеклом,
Вы угадать смогли своё предназначенье?
Как, вместо женской суеты,
В душе довольной красоты
Затрепетало вдохновенье!
Прекрасный, дивный миг! Возликовал Парнас,
Хариту, как сестру, камни окружили,
От мира мелочей вы взоры отвратили:
Открылся новый мир для вас.
Сей мир свободного мечтанья,
В который входит лишь поэт,
Где исполнение находят все желанья,
Где сладки самые страданья
И где обманов сердцу нет.
Мы встретились в нём. Блестящими стихами
Вы обольстительно приветили меня.
Я знаю цену им. Дарована судьбами
Мне искра вашего огня.
Забуду ли я вас? Забуду ль ваши звуки?
В душе признательной отозвались они.
Пусть бездну между нас раскроет дух разлуки,
Пускай летят за днями дни:
Пребудет неразлучна с вами
Моя сердечная мечта,
Пока пленяюся я лирными струнами,
Покуда радует мне душу красота.

Между 16 мая и 15 июня 1832

164. ЗАПУСТЕНИЕ

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни весёлые живительного мая,
Когда, зелёными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
 Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов, —
 Под очарованный твой кров
 Замедлил я моим возвратом.
В осенней нагоде стояли деревья
 И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замёрзлая трава,
И листья мёртвые, волнуясь, шумели;
 С прохладой резко дышал
 В лицо мне запах увяданья;
Но не весеннего убранства я искал,
 А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шёл
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провёл.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошёл я в дом заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады:
 Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишённые хранительной преграды,
 Далече воды утекли,
 Их ложе поросло травой,
Приют хозяйственный в них улья обрели,
И лёгкая тропа исчезла предо мною.
Ни в чём знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему лесистым косогором
Дорожка смелая ведёт меня... обвал
 Вдруг поглотил её... Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы;
 Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат её столпы,
 Где остов мостика дряхлеет.
 И ты, величественный грот,
Тяжёло-каменный, постигнут разрушеньем,
 И угрожаешь уж паденьем,
Бывало, в летний зной прохлады полный свод!

Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Ещё прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей.
Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен,
Кто, безымянной неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к таинственному шуму
Сих клёнов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нём умолкнул слух.
Прияла прах его далекая могила,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь ещё живёт его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу.

Осень 1832

165. КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

Как жизни общие призывы,
Как увлеченья суеты,
Понятны вам страстей порывы
И обаяния мечты;
Понятны вам все дуновенья,
Которым в море бытия
Послушна наша ладия.
Вам приношу я песнопенья,
Где отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты
И между тем любви высокой,
Любви, добра и красоты.

Счастливым сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,

Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,
Но добровольно, шумный свет, —
Ещё порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.
Ищу я вас, гляжу: что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?
Что вам дарует провиденье?
Чем испытует небо вас?
И возношу молящий глас:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час!

Звезда разрозненной плеяды!
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благости молю.
От вас отвлекь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу.

1834

166. ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз
И не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, берега лазурных рек.
Цветёт Парнас! Пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струёю бьет;
Нежданный сын последних сил природы,
Возник поэт: идет он и поет.

Воспеваает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнания
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной
Поёт, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подьемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Бодрым сердцем покоримся
Думам робким, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста вещать полуотверсты,
Но гордя главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край, но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;

И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. песни волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребёт питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошью свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

{1835}

167. НЕДОНОСОК

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землёй и небесами.

Блещет солнце — радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И весёлыми крылами
Ластюсь к ним, как облачко;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревёт
И до облак, свод небесный
Омрачившись, вознесёт
Прах земной и лист древесный.
Бедный дух! Ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьёт, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! Вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю —
Грозно, чёрно тут и там;
Вопль уныло я подъямлю.

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!
В тучу прячусь я и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

{1835}

168. БОКАЛ

Полный влагой искромётной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин, —
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твоё, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струёю вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживлённой
Разногласою толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого,
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего,
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излиньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк —
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченье
Общежительных страстей —
В одиноком упоенье
Мгла падёт с его очей!

{1835}

169. АЛКВИАД

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;
Девы, тайно любуясь челом благородно-открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок?

{1835}

170

Там, где парил орёл двуглавый,
Шумели силы знамена, —
Звезда прекрасной, новой славы
Твоей рукою зажжена!

Искусства мирные трофеи
Ты внёс в отеческую сень, —
И был последний день Помпеи
Для русской кисти первый день.

Привет тебе Москвы радушной!
Ты в ней родное сотвори
И, сердца голосу послушный,
Взгляни на Кремль... и кисть бери.

Тебе Москвы бокал заздравный,
Тебя отчизна видит вновь;
Там славу взял художник славный,
А здесь — и слава, и любовь!

Январь 1836

171. ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виётся вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! И вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол,
Пред ним помчится прах летучий;
Качаяся, завоюет роща, дол
Покроет лист её падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Весёлый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнажённых
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убелённых,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошённый злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопья стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрипящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъёмлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! На строги дни себе
Припас орадай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьёй своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Орадай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды.
И спеет жатва дорогая,
И в зёрнах дум её собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, —

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащённые лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретения!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скоплённые презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошёл, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерии;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерии.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствии пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественной и дикой, —
Костями бы среди твоих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нём умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блестает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным своей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревертенье —
Пусть в торжестве насмешливом своём
Ум бесполезный сердца трепет
Угломнит и тщетных жалоб в нём
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Её предел завидя издали,
Цветущий брег за мглою чёрной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновлённым,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примирённым,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой, —

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падёшь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утолненным разуменьем, —
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И лёгких чад житейской суеты
Не посветишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несётся ураган,
И лес подымлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдёт отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешёл.

15

Пускай, приняв неправильный полёт
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечёт;
Пусть заменит её другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения её далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Её сестры новорождённый свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы години бывшей
Сравниются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, —
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нём тебе грядущей жатвы нет!

Конец 1836 — начало февраля 1837, {1841}

172

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увёртлива, речиста.
Со всех сторон своих видна,
Как искушённая жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

{1837}

173

Увы! Творец непервых сил!
На двух статейках утомил
Ты кой-какое дарованье!
Лишённый творческой мечты,
Уже, в жару нездравом, ты
Коверкать стал правописание!

Неаполь возмутил рыбарь,
И, власть прияв, как мудрый царь,
Двенадцать дней он градом правил;
Но что же? — непривычный ум,
Устав от венценосных дум,
Его в тринадцатый оставил.

1838

174

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей.

И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

1838 ?

175. ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил её знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нём дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в спасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подьемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним:
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

{1839}

176. ОБЕДЫ

Я не люблю хвастливые обеды,
Где сто обжор, не ведая беседы,
Жуют и спят. К чему такой содом?
Хотите ли, чтоб ум, воображенье,
Привёл обед в счастливое брожение,
Чтоб дух играл с играющим вином,
Как знатоки Эллады завещали?
Старайтесь, чтоб гости за столом,
Не менее харит своим числом,
Числа камен у вас не превышали.

{1839}

177

Мою звезду я знаю, знаю,
И мой бокал
Я наливаю, наливаю,
Как наливал.
Гоненьям рока, злобе света
Смеюся я:
Живет не здесь — в звездах Моэта
Душа моя!
Когда ж коснутся уст прелестных
Уста мои,
Не нужно мне ни звезд небесных,
Ни звезд Аи!

{1839}

178

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не лёгкокрылых грёз, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущённый мрак —
Исчезнет, с пустотой сольётся
Тебя пугающий призрак,
И заблужденю чувств твой ужас улыбнётся.
О сын фантазии! Ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Весёлый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:

Ей исполинский вид даёт твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет, а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

1839

179

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намёк.

1839

180

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий,

Вольной песнью разольётся,
Скорбь-невзгода распоётся!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С чёрной мыслью белый волос!

1839

181

Ещё, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвящённых рук бездарно возложение!
И я даю тебе мое благословенье
Во знаменье ином, о дева красоты!
Под этой розою главой склонись, о ты,
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной.

1839

182

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свой не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.
Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь, а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

1840

183

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.
И юных граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень!

{1840}

184. МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даёшь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье — одно.
Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!

{1840}

185

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец её! Тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч, бледнеет жизнь земная!

{1840}

186. РИФМА

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа жадного восторгов мусикийских,
В нём вера полная в сочувствие жила.
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побеждённая, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.
Когда на греческой амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил и славословил он
Или оплакивал народную фортуна
И устремлялися все взоры на него
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом, —
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит Бог
Его торжественным глаголом.
А ныне кто у наших лир
Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир
Опальный голос их уносит?
Меж нас не ведает поэт,
Его полёт высок иль нет!
Сам судия и подсудимый
Пусть молвит: песнопевца жар
Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос неразрешимый!

Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного берега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаёшь его мечты!

{1840}

187. НОВИНСКОЕ

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей лёгкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви — для вдохновенья.

1826, 1841

188

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нём наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай,
Но пристойную могилу,
Как уснёт он, предку дай.

{1841}

189

Что за звуки? Мимоходом
Ты поёшь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издеваясь над тобой.

А с тобой издавна тесен
Был союз камены песен,
И беседовал ты с ней,
Безымянной, роковою,
С дня, как в первый раз тобою
Был услышан соловей.

Бедный старец! Слышу чувство
В сильной песне... Но искусство...
Старцев старее оно;
Эти радости, печали —
Музыкальные скрижали
Выражают их давно!

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений злой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире,
Звучен будет голос твой!

{1841}

190. РОПОТ

Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьёшься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

{1841}

191. АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречён борьбе верховной,
Ты ли долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней?

Омовён её водою,
Знай, страданию над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

{1841}

192.СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нём прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожделенный,
Уже не властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдёт,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падёт,

Покуда, страсть уразумея
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечёт, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.

{1841}

193

Здравствуй, отрок сладкогласный!
Твой рассвет зарёй прекрасной
Озаряет Аполлон!
Честь возникшему пииту!
Малолетнюю хариту
Ранней лирой тронул он.

С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой
Чуткой грудию своею,
С первым солнцем, полный всюю
Наступающей весной!

{1841}

**194. С КНИГОЮ «СУМЕРКИ»
С. Н. К<АРАМЗИНОЙ>**

Сближеньем с вами на мгновенье
Я очутился в той стране,
Где в *оны дни* воображенье
Так сладко, складно лгало мне.
На ум, на сердце мне излили
Вы благодатные струи
И чудотворно превратили
В день ясный *сумерки* мои.

Конец мая — начало июня 1842

195

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, —

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стеснённой грудию восстонет,

И тихий гроб твой посетит,
И, над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! Но сложится певцу
Канон намеднишним зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадиллом.

{1843}

196. ПИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колёса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьётся за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только вдали, океана жилища,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развев, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацья качается в море, —
С берегом набережное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Тёмную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здоровья брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизии земной!

Апрель 1844 Средиземное море

197. ДЯДЬКЕ-ИТАЛЬЯНЦУ

Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноград, лимон её золотой
Тревожно бросивший, корыстью уязвленный,
И в край, суровый край, снегами покровенный,
Приставший с выбором загадочных картин,
Где что-то различал и видел ты один!
Прости наш здравый смысл, прости, мы та из наций,
Где брату вашему всех меньше спекуляций.
Никто их не купил. Вздохнув, оставил ты
В глушь севера тебя привлечшие мечты;
Зато воскрес в тебе сей ум, на всё пригодный,
Твой итальянский ум, и с нашим очень сходный!
Ты счастлив был, когда тебе кое-что дал
Почтенный, для тебя богатый генерал,
Чтоб, в силу строгого с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора.
Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать лет.

Москва нас приняла, расставшихся с деревней.
Ты был вожатый мой в столице нашей древней.
Всех макаронщиков тогда узнал я в ней,
Ментора моего полуденных друзей.
Увы! оставив там могилу дорогую,
Опять увидели мы вотчину степную,
Где волею небес узнал я бытие,
О сын Авзонии, для бурь, как ты свое,
Но где, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кров обрёл, а позже гроб спокойный.

Ты полюбил тебя призревшую семью
И, с жизнью её сливая жизнь свою,
Её событиями в глуши чужого края
Былого своего преданья заглушая,
Безропотно сносил морозы наших зим;
В наш краткий летний жар тобою был любим
Овраг под сению дубов прохладовейных.
Участник наших слёз и праздников семейных,
В дни траура главой седой ты поникал,
Но ускорял шаги и членами дрожал,
Как в утро зимнее порой, с пределов света,
Питомца твоего, недавнего корнета,
К коленам матери кибитка принесёт
И скорбный взор её минутно оживёт.

Но что! радушному пределу благодарный,
Нет! ты не забывал отчизны лучезарной!
Везувий, Колизей, грот Капри, храм Петра
Имел ты на устах от утра до утра,
Именовал ты нам и принцев и прелатов
Земли, где зрел, дивясь, суворовских солдат,
Входящих вопреки тех пламенных часов,
Что, по твоим словам, со стогов гонят псов,
В густой пыли побед, в грозе небритых бород,
Рядами стройными в классический твой город;
Земли, где год спустя тебе предстал и он,
Тогда Буонапарт, потом Наполеон,
Минутный царь царей, но дивный кондотьери,
Уж жиждущий свои гигантские потери.

Скрывая власти глад, тогда морочил вас
Он звонкой пустотой революционных фраз.
Народ ему зажѣг приветственные плошки;
Но ты, ты не забыл серебряные ложки,
Которые, среди блестящих общих грѣз,
Ты контрибуции назначенной принѣс;
Едва ты узнику печальному британца
Простил военную систему корсиканца.
Что на твоём веку, то ль благо, то ли зло,
Возникло, при тебе — в преданье перешло:
В альпийских молниях, приемлемый опалой,
Свой ратоборный дух, на битвы не усталый,
В картечи эпиграмм Суворов испустил.
Злодей твой на скале пустынной опочил;
Ты сам глаза сомкнул, когда мирские сети
Уж поняли тобой взлелеянные дети;
Когда, свидетели превратностей земли,
Они глубокий взор уставить уж могли,
Забвенья чуждые за жизненною чашей,
На итальянский гроб в ограде церкви нашей.

А я, я, с памятью живых твоих речей,
Увидел роскоши Италии твоей!
Во славе солнечной Неаполь твой нагорный,
В парах пурпуровых и в зелени узорной,
Неувядаемой, — амфитеатр дворцов
Над яркой пеленой лазоревых валов;
И Цицеронов дом, и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены суеверу,
Где спит великий прах властителя стихов,
Того, кто в сей земле волканов и цветов,
И ужасов, и нег взлелеял эпопею,
Где в мраки Тенара открыл он путь Энею,
Явил его очам чудесный сад утех,
Обитель сладкую теней блаженных тех,

Что, крепки в опытах земного треволнения,
Сподобились вкусить эфирных струй забвенья.

Неаполь! До него среди садов твоих
Сердца мятежные отыскивали их.
Сквозь занавес веков ещё здесь помнят виллы
Приюты отдыхов и Мария и Силлы.
И кто, бесчувственный, среди твоих красот
Не жаждал в их раю обрести навес иль грот,
Где б скрылся, не на час, как эти полубоги,
Здесь Лету пившие, чтоб крепнуть для тревоги,
Но чтоб незримо слить в безмыслии златом
Сон неги сладостной с последним, вечным сном.
И в сей Италии, где всё — каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безымянный лист так преданно обник
Давно из божества разжалованный лик,
Потом с чела его повиснул полусонно, —
Всё беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не мог и, помня сладкий юг,
Дух предал строгому дыханью наших व्यог,
Не сетуя о том, что за пределы мира
Он улететь бы мог на крыльях зефира!

О тайны душ! Меж тем как сумрачный поэт,
Дитя Британии, влачивший столько лет
По знойным берегам груди своей отравы,
У миртов, у олив, у моря и у лавы,
Молил рассеянья от думы роковой,
Владеющей его измученной душой, —
Напрасно! (Уст его, как древле уст Тантала,
Струя желанная насмешливо бежала).
Мир сердцу твоему дал пасмурный навес
Метелью полгода скрывааемых небес,
Отчизна тощих мхов, степей и древ иглистых!
О, спи! безгрёзно спи в пределах наших льдистых!
Лелей по-своему твой подземельный сон,
Наш бурнодышащий, полночный аквилон,
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их упоем!

Первая половина июня 1844 Неаполь

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ ПРИ ЖИЗНИ БОРАТЫНСКОГО

**198. ХОР, ПЕТЫЙ В ДЕНЬ ИМЕНИН
ДЯДЕНЬКИ Б <ОГДАНА> АНДР <ЕЕВИЧА
БОРАТЫНСКОГО>
ЕГО МАЛЕНЬКИМИ ПЛЕМЯННИЦАМИ
ПАНЧУЛИДЗЕВЫМИ**

Родству приязни нежной
Мы глас приносим сей,
В ней к счастью путь надежный,
Вся жизнь и сладость в ней.

Хоть чужды нам искусства
С приятством говорить,
Но сердца могут чувства
Дар тщетный заменить.

Из благ богатых света,
Усердьем лишь одним,
Чем можем в детски лета,
Мы праздник сей почтим.

Весны в возобновлень!
Средь рощей, средь полей
Так птички возвращенье
Поют цветущих дней.

Увы! теперь природы
Уныл, печален вид;
Хлад зимней непогоды
Небесный кров мрачит.

И в вёдро, и в ненастье
Гнетут печали злых, —
Но истинное счастье
Нигде, как в нас самих.

Смотрите, как сияет
Во всех усердья дух,
Как дышит всё, блистает
Весёлостью вокруг.

Средь грозных бурь смятений,
Хоть гром вдали шумит,
Душевных наслаждений
Ничто не возмутит.

Хоть время неозвратно
Всех благ лишает нас,
Увы! хоть слишком внятно
Судеб сей слышен глас, —

О, пусть всегда меж нами
Жизнь ваша лишь течет
И дружба под цветами
Следы сокровит лет.

23 января 1817

199. МОЯ ЖИЗНЬ

Люблю за дружеским столом
С моей семьёю домовитой
О настоящем, о былом
Поговорить душой открытой.

Люблю пиров веселый шум
За полной чашей райской влаги,
Люблю забыть для сердца ум
В пылу вакхической отваги.

Люблю с красоткой записной
На ложе неги и забвенья
По воле шалости молодой
Разнообразить наслажденья.

1818 или 1819

200

Полуразрушенный, я сам себе не нужен
И с девой в сладкий бой вступаю безоружен.

1818 или 1819

201

Мы будем пить вино по гроб
И верно попадём в святые:
Нам явно показал потоп,
Что воду пьют одни лишь злые.

1818 или 1819

202

Здесь погребён армейский капитан.
Он честно жил и грешен не во многом:
Родился, спал и умер пьян —
Вот весь ответ его пред Богом.

1818 или 1819

203

В пустых расчётах, в грубом сне
Пускай другие время губят.
Честные люди — верьте мне —
Меня и жизнь мою полюбят.

1818 или 1819

204

Так, он ленивец, он негодник,
Он только что поэт, он человек пустой;
А ты, ты ябедник, шпион, торгаш и сводник.
О! человек ты деловой.

1820?

205

Я унтер, други! Точно так,
Но не люблю я бить баклуши,
Всегда исправен мой тесак,
Так берегите — уши!

1822?

206. В АЛЬБОМ

Когда б вы менее прекрасной
Случайно слыли у молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...
Когда б ещё сей голос нежный
И томный пламень сих очей
Любовью менее мятежной
Могли грозить душе моей;
Когда бы больше мне на долю
Даров послал питерский бог, —
Тогда бы дал я сердцу волю,
Тогда любить я вас бы мог.
Предаться нежному участию
Мне тайный голос не велит...
И удивление, по счастью,
От стрел любви меня хранит.

1822?

207

Младые грации сплели тебе венок
И им невинную стыдливость увенчали.
В него вплести и мне нельзя ли
На память миртовый листок?
Хранимый дружбою, он, верно, не увянет,
Он лучших чувств моих залогом будет ей,
Но друга верного и были прежних дней
Да поздно милая вспомянет,
Да поздно юных снов утратит лёгкий рой
И скажет в тихий час случайного раздумья:
«Не другом красоты, не другом остроумья —
Он другом был меня самой».

1823 или 1824 Фридрихсгам

208

Когда придётся как-нибудь
В досужный час вспомянуть
Вам о Финляндии суровой,
О финских чудных щеголях,
О их безужинных балах
И о Варваре Аргуновой —

Не позабудьте обо мне,
Поэте сиром и безродном,
В чужой, далёкой стороне,
Сердитом, грустном и голодном.
А вам, Анеточка моя,
Что пожелать осмелюсь я?
О! наилучшего, конечно:
Такой пребыть, какою вас
Сегодня вижу я на час,
Какою помнить буду вечно.

15 февраля 1824 Роченсальм

209

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов — самовластью —
Какой-то адскою любовью горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

Конец 1824 — начало 1825

210

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои.
Не так ли славный вождь и друг Екатерины —
Орлов — ещё любил кулачные бои?

Апрель 1825

211

Я был любим, твердила ты
Мне часто нежные обеты,
Хранят бесценные мечты
Слова, душой твоей согреты.
Нет, не могу не верить им:
Я был любим, я был любим!

Всё тот же я, любви моей
Судьба моя не изменила;
Я помню счастье прежних дней,

Хоть, может быть, его забыла,
Забыла милая моя, —
Но тот же я, всё тот же я!

К свиданью с ней мне нет пути.
Увы! когда б предстал я милой,
Конечно, в жалость привести
Её бы мог мой взор унылый.
Одна мечта души моей —
Свиданье с ней, свиданье с ней.

Хитра любовь: никак она
Мне мой романс теперь внушает;
Её волнения полна,
Моя любезная читает,
Любовью прежней дышит вновь.
Хитра любовь, хитра любовь!

30 ноября или 1 декабря 1825

212

Простите, спору невпопад
Я с вашей музою прелестной,
Но мне Парни ни сват, ни брат,
Совсем он не отец мой крестный.
Он мне, однако же, знаком:
Цитерских истин возвеститель,
Любезный князь, не спорю в том,
Был вместе с вами мой учитель.

Конец 1825

213

В своих листах душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мненья и сказанья,
Приятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твой нрав дурной приносит плод.
«Срамец! срамец! — все шепчут. — Вот известье!»
— «Эх, не тужи! Уж это мой расчёт:
Подписчики мне платят за бесчестье».

Середина января 1826

214. ОДА

Ни горы злата и серебра,
Ни неги сласть, ни сила власти
Душой желанного добра
Нам не дадут, покуда страсти,
Волнуя чувства каждый час,
Ненасытимы будут в нас.

Блаженство полное ни в чём
Нам не даровано богами,
Чтоб, руководствуясь умом,
Его создать могли мы сами,
Всегда тая в себе самих
Прямой источник благ своих.

1826

215

Откуда взял Василий непотешный
Потешного Буянова? Хитрец
К лукавому прибег с мольбою грешной.
«Я твой, — сказал, — но будь родной отец,
Но помоги». Плодятся без усилья,
Горят, кипят задорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадах чепухи.

Конец 1826

216

Хотите ль знать все таинства любви?
Послушайте девицу пожилую:
Какой огонь она родит в крови!
Какую власть дарует поцелую!
Какой язык пылающим очам!
Как миг один рассудок побеждает —
По пальцам всё она расскажет вам.
«Ужели всё она по пальцам знает?»

Конец 1826

217. С. Л. ЭНГЕЛЬГАРТ

Нежданное родство с тобой даруя,
О, как судьба была ко мне добра!
Какой сестре тебя уподоблю я,
Её рукой мне данная сестра!
Казалось, любовь в своём пристрастье
Мне счастье дала до полноты;
Умножила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.

1826?

218

Мой старый пёс! Ты псом окончил век!
Я знал тебя ласкателем и вором.
Когда б ты был не пёс, а человек,
Ты б окошел, быть может, сенатором.

1826 или 1827

219

Убог умом, но не убог задором,
Блестящий Феб, священный идол твой
Он повредил: попачкал мерным вздором
Его потом и восхищен собой.
Чему же рад нахальный хвастунишка?
Скажи ему, правдивый Аполлон,
Что твой кумир разбил он, как мальчишка,
И, как щенок, его изгадил он.

Начало 1827

220

Грузинский князь, газетчик русской
Героя трусом называл.
Не эпиграммою французской
Ему наш воин отвечал —
На глас войны летит он к Куру,
Спасает родину князька,
А князь наш держит корректуру
Реляционного листка.

Конец февраля — начало марта 1827

221

Прости, мой милый! Так создать
Меня умела власть Господня:
Люблю до завтра отлагать,
Что сделать надобно сегодня!

Апрель? 1828

222

Не растравляй моей души
Воспоминанием былого:
Уж я привык грустить в тиши,
Не знаю чувства я другого.
Во цвете самых пылких лет
Всё испытать душа успела,
И на челе печали след
Судьбы рука запечатлела.

1832?

223. Н. Е. Б...

Двойною прелестью опасна,
Лицом задумчива, речами весела,
Как одалиска, ты прекрасна,
И, как пастушка, ты мила.
Душой невольно вострепелётся,
Кто на красавицу очей ни возведёт:
Холодный старец улыбнётся,
А пылкий юноша вздохнёт.

1832?

224

Вот верный список впечатлений
И лёгкий и глубокий след
Страстей, порывов юных лет,
Жизнь родила его — не гений.
Подобен он скрижали той,
Где пишет ангел неподкупный
Прекрасный подвиг и преступный —
Всё, что творим мы под луной.
Я много строк моих, о Лета!
В тебе желал бы окунуть

И утаить их как-нибудь
И от себя и ото света...
Но уж свое они рекли,
А что прошло, то непреложно.
Года волненья протекли,
И мне перо оставить можно.
Теперь я знаю бытие.
Одно желание мое —
Покой, домашние отрады.
И, погружён в самом себе,
Смеюсь я людям и судьбе,
Уж не от них я жду награды.
Но что? С бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Ещё, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.

Весна 1834

225. На ***

В руках у этого педанта
Могильный заступ, не перо,
Журнального негодянта
Как раз подроеет он бюро.
Он громогласный запевала,
Но запевала похорон...
Похоронил он два журнала,
И третий похоронит он.

{1840}

226

На всё свой ход, на всё свои законы.
Меж люлькою и гробом спит Москва;
Но и до ней, глухой, дошла молва,
Что скучен вист и веселей салоны
Отборные, где есть уму простор,
Где властвует не вист, а разговор.
И погналась за модой новосветской,
Но погналась старуха не путём:
Салоны есть, — но этот смотрит детской,
А тот, увы! — глядит гошпиталём.

1840?

227. КОТТЕРИИ

Братайтесь, к взаимной обороне
Ничтожностей своих вы рождены;
Но дар прямой не брат у вас в притоне,
Бездарные писцы-хлопотуны!
Наоборот, союзным на благое,
Речённого достойные друзья,
«Аминь, аминь, — вещал он вам, — где трое
Вы будете — не буду с вами я».

{1841}

228

Спасибо злобе хлопотливой,
Хвала вам, недруги мои!
Я, не усталый, но ленивый,
Уж пил летийские струи.

Слегка седеющий мой волос
Любил за право на покой;
Но вот к борьбе ваш дикий голос
Меня зовет и будит мой.

Спасибо вам, я не в утрате!
Как богоизбранный еврей,
Остановили на закате
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую,
И человеческим сынам
Досель безвестную, пирую
Я в зависть Флакку, в славу вам!

1842?

229. МОЛИТВА

Царь небес! Успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвеньё пошли
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.

1842 или 1843

230. НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеётся луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит от очей,
Пред вечным днём я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит, —
К её сынам ещё взывает лира.

Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый,
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извёл, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несёт рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: её заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

1842 ?

231

Люблю я вас, богини пенья,
Но ваш чарующий наход,
Сей сладкий трепет вдохновенья, —
Предтечей жизненных невзгод.

Любовь камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу! Боюсь я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музыки, ласковой ко мне.
И говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснет в тишине!

1843 ?

232

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима.
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвётся душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне доли, леса благовонны,
Снятся упавших чертогов колонны!

1843 ?

233

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решалась ты делить его волненья,
В нём таинство печали люблюя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нём чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

Январь — февраль 1844

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В СОАВТОРСТВЕ С ДРУГИМИ ПОЭТАМИ

234

Там, где Семёновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко,
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили шутя: «Какое в россиянах чувство!»

1819

235. ПЕВЦЫ 15-ГО КЛАССА

Князь Шаховской согнал с Парнаса
И мелодраму и журнал;
Но жаль, что только не согнал
Певца 15-го класса.

Но я бы не согнал с Парнаса
Ни мелодраму, ни журнал,
А хорошенько б откатал
Певца 15-го класса.

Не мог он оседлать Пегаса —
Зато Хвостова оседлал,
И вот за что я не согнал
Певца 15-го класса.

(Теперь певцы говорят сими:)

Хотя и согнан я с Парнаса,
Всё на Песках я молодец:
Я председатель и отец
Певцов 15-го класса.

Я перевёл по-русски Тасса,
Хотя его не понимал,
И по достоинству попал
В певцы 15-го класса.

Во сне я не видал Парнаса,
Но я идиллии писал
И через них уже попал
В певцы 15-го класса.

Поймав в Париже Сен-Томаса,
Я с ним историю скропал
И общим голосом попал
В певцы 15-го класса.

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгробал
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса.

Я, сам Княжевич, от Пегаса
Толчки лихие получал
И за терпение попал
В певцы 15-го класса.

Хотел достигнуть я Парнаса,
Но Феб мне оплеуху дал,
И уж за деньги я попал
В певцы 15-го класса.*

Кой-что я русского Парнаса,
Я не прозаик, не певец,
Я не 15-го класса,
Я цензор — сиречь, я подлец.

*Сочинил унтер-офицер
Евгений Боратынский с артелью
1823 ?*

* В сенате третьего я класса, А здесь в 15-й попал. *Прим. соч.*

236

Наш приятель, Пушкин Лёв,
 Не лишен рассудка:
И с шампанским жирный плов,
 И с груздями утка —
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
 Силою желудка.

Федор Глинка молодец:
 Псалмы сочиняет,
Его хвалит Бог отец,
 Бог сын потекает.
Дух святой, известный льстец,
Говорит, что он певец...
 Болтает, болтает.

1825

237. БЫЛЬ

Встарь жил-был петух индейский,
Цапле руку предложил,
При дворе взял чин лакейский
И в супружество вступил.

Он детей молил, как дара, —
И услышал Саваоф:
Родилася цаплей пара,
Не родилось петухов.

Цапли выросли, отстали
От младенческих годов;
Длинные, очень длинные стали
И глядят на куликов.

Вот пришла отцу забота
Цаплей замуж выдавать;
Он за каждой два болота
Мог в приданое отдать.

Кулики к нему летали
Из соседних, дальних мест,
Но лишь корм они клевали, —
Не смотрели на невест.

Цапли вяли, цапли сохли,
Наконец, скажу, вздохнув:
На болоте передохли,
Носик в перья завернув.

1825

238

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример берите, дуры! —
Он дочерям в восторге закричал. —
Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твой осребрило взор?»
А тот ему в ответ: «Мне хочется на двор».

15 мая 1827

**239. ЖУРНАЛИСТ ФИГЛЯРИН
И ИСТИНА**

Он точно, он бесспорно
Фиглярин-журналист,
Марающий задорно
Свой бестолковый лист.
А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его конура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьём наведена,
Занятиям мараки
Пришла мешать она.

16 мая 1827

**240. КУПЛЕТЫ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КНЯГИНИ
ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ
В ПОНЕДЕЛЬНИК 3-го ДЕКАБРЯ 1828 ГОДА,
СОЧИНЕННЫЕ В МОСКВЕ:
кн. П. А. Вяземским, Е. А. Боратынским,
С. П. Шевырёвым, Н. Ф. Павловым
и И. В. Киреевским**

Друзья! теперь виденья в моде,
И я скажу про чудеса:
Не раз явленьями в народе
Нам улыбались небеса.
Они нам улыбнутся мило,
Небесным гостем подаря.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.

Вокруг эфирной колыбели,
Где гость таинственный лежал,
Невидимые хоры пели,
Незримый дым благоухал.
Зимой весеннее светило
Взошло, безоблачно горя.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.

Оно зашло, и звёзды пали
С небес высоких — и светло
Венцом магическим венчали
Младенца милое чело.
И их сияньем озарило
Судьбу молодого бытия.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.

Одна ей пламя голубое
В очах пленительных зажгла,
И вдохновение живое
Ей в душу звучную влила.
В очах зажглось любви светило,
В душе поэзии заря.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.

Звездой полуденной и знойной,
Слетевшей с Тассовых небес,
Даны ей звуки песни стройной,
Дар гармонических чудес;

Явление это не входило
В неверный план календаря,
Но знаем мы, что это было
Оно на третье декабря.

Земли небесный поселенец,
Росла пленительно она,
И, что пророчил в ней младенец,
Свершила дивная жена.
Недаром гениев кадило
Встречало утро бытия:
И утром чудным утро было
Сегодня, третье декабря.

Мы, написавши эти строфы,
Ещё два слова скажем вам,
Что если наши философы
Не будут верить чудесам,
То мы ещё храним под спудом
Им доказательство, друзья:
Она нас подарила чудом
Сегодня, в третье декабря.

Такая власть в её владенье,
Какая богу не дана:
Нам сотворила воскресенье
Из понедельника она
И в праздник будни обратило
Веселье, круг наш озаря;
Да будет вечно так, как было,
Днём чуда третье декабря!

3 декабря 1828

II. D U B I A

241

С неба чистая,
Золотистая,
К нам слетела ты;
Всё прекрасное,
Всё опасное
Нам пропела ты!

Между 1823 и 1825

242

Приют, от светских посещений
Надёжной дверью запертой,
Но благодарною душой
Открытый дружеству и девам вдохновений.

4 декабря 1833

III. СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

243. <АВРОРЕ ШЕРНВАЛЬ>

Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore
Adolescente au teint vermeil!
Verse lumière, et plus encore
Aux cœurs dont tu romps le sommeil.
Entends la voix déjà souffrante
De la jeunesse prévoyante:
«Pour qui se lève ce beau jour?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?»¹

1824?

¹ О румяная девушка, как тебе идёт имя Аврора! Излучай свет, как можно больше света сердцам, которые ты лишила сна. Услышь страдающий голос предусмотрительной юности: «Для кого настаёт этот прекрасный день? Для кого эта очаровательная Аврора будет солнцем любви?»